

Евгений Филимонов

Иди СКВОЗЬ ОЗОНЬ

Евгений Филимонов

Иди сквозь огонь

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4901744
Иди сквозь огонь (Проект Индиго): Авторское; 2012*

Аннотация

Катя, героиня романа – с рождения обладает редкими качествами и, пройдя через Очистительный Огонь, оказывается в ситуации, требующей от нее полной отдачи всех своих сил и способностей.

Ей противостоят силы Тьмы, нашедшие приют в душах бывших детдомовских пацанов. Кате предстоит узнать, почему так произошло – и попытаться спасти их.

Сложный клубок, сплетенный из добра и зла, силы и слабости, памяти и забвения, отваги и предательства – распутывается читателем на страницах романа «Иди сквозь огонь».

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	24
Глава 3	30
Глава 4	37
Глава 5	42
Глава 6	64
Глава 7	78
Глава 8	85
Глава 9	94
Глава 10	100
Глава 11	103
Конец ознакомительного фрагмента.	106

Евгений Филимонов

Иди сквозь огонь (Проект Индиго)

Моим любимым женщинам – Елене и Настёнке

Глава 1

Ночь завораживала. Шедшие всю неделю дожди вычистили город от грязи, что тоннами выбрасывали в атмосферу заводы и автомобили, шныряющие по улицам подобно раковым клеткам по венам человеческого организма. Дождь лил, как из ведра. День за днём, ночь за ночью – и вот воздух стал чист и прозрачен, а звёздное небо опустилось практически на самые плечи.

Всю неделю – впрочем, как и в остальные дни – Катя стремилась на крышу, подальше от становившейся всё теснее квартиры. Дождь не мешал, нет – он приходил нотой настоящего и ничего не требующего от неё лично мира. Мира, который существовал сам по себе, бесстрастно взирая на живущих под небесами, и нисколько не переживая о чьём-то благополучии.

А ещё дождь являлся антиподом огня, что снился Кате

почти каждую ночь, с момента, когда она начала осознавать себя – как существо, наделённое разумом и внутренним миром. Это произошло очень рано, в отличие от других детей. На вид они были совершенно одинаковые – розовокожие пухлощёкие карапузы, пускающие пузыри и кричащие во всю мощь небольших, но уже сильных лёгких. Да, с виду они не отличались. Но уже тогда к ней приходили сны.

Такой простой сон – над миром бушевал огонь. Везде, куда достигал взгляд – плясали огненные смерчи, свиваясь в диковинные буквы непонятного языка. Пламя влекло к себе, распахивая жаркие объятия. И она, раз за разом, устремлялась в это горнило, но, внезапно пугаясь, останавливалась у мятущейся стены жара. И тогда огонь умирал, оседая серой пылью. Мир вдали таял точно так же, рассыпаясь, словно выгоревшая головня, в лёгкий пепел.

Катя не знала, почему ей снился один и тот же сон. Просто, он пришёл однажды и стал неотъемлемой частью жизни. Единственное, что Катя знала точно, так это то, что рассказывать про такие сны кому-либо – нельзя.

Странностей у девочки и так хватало. И усугублять положение ещё и новостью о навязчивых снах – это могло покачнуть переполненную лодку чужого терпения. А чужими были все. Даже родители.

Мать и отец любили дочь, она знала. Катя была для них всем – смыслом жизни и наказанием, счастьем и проклятием. Что превалировало в этих чувствах – она и само порой не

понимала. Ставшие с первых же минут прозрачными до самых глубин омутов сознания, родители иногда становились закрытыми, одеваясь в непроницаемую броню. Это выглядело так – обычно радужные, ауры становились похожими на старые мятые газеты, пылящиеся в углу под мойкой. И тогда Катя переставала Видеть их, да и Слышать тоже. Оставались обычные пять чувств – и это не очень радовало.

Хотя, так было интереснее: всё вдруг превращалось в головоломку, что позволяло оттачивать обыденные человеческие умения понимать другого. Так, как понимали друг друга мать с отцом. С полуслова, с полунамека, с лёгкого движения ресниц и полуулыбки – родители читали мысли и желания другой своей половины, как раскрытую книгу. А ведь они были обычные люди, как и любая пара из шести с лишним миллиардов населения этой небольшой планеты.

Понимание других людей пришло к Кате очень рано. Она вдруг слышала мысли окружающих, и увидела окружающее их сияние, которое рассказывало очень многое. Если быть точным, то это случилось прямо в родильном доме. Переговариваясь с окружающими комками плоти на изначальном детском языке, она удивилась вспыхнувшему вокруг них световому кокону. Катя увидела, как протекают мыслишки в головках соседей и соседок. Слышала, как шумит кровь в венах малышей. Она ощущала, как рождаются слова у гигантов, приходящих с едой и объятиями. Наверное, если бы она захотела, то увидела бы, как бьются их сердца.

Катя упрятала пришедшее знание. Слишком уж ясным было понимание слабости хрупкой оболочки, которой лишь предстояло стать телом, несущим сильное «Я».

И она превратилась в такую же гусеничку, поглощающую пищу и изрыгающую отходы жизнедеятельности, дожидаясь момента, когда можно будет задуматься о трансформации. Она надеялась, что это произойдет скоро.

Мозг малышки постоянно работал, впитывая информацию для размышлений, и переваривая её. Пищей для ума становилось абсолютно всё – игрушки, весёлая болтовня родителей, игра света на потолке, шум ветра и пение птиц за окном. Всё, что она могла увидеть и услышать, а порой – представить и додумать.

Что-то мигнуло в бездонной глубине неба. Катя отряхнулась от задумчивости и присмотрелась. Падающая звезда – это мигнул, сгорая, очередной метеорит, вошедший в атмосферу земли.

«Так и мы все, – подумалось ей. – Как букашки на свече, сгорим, и следа не останется, кроме пятна на сетчатке. Хотя, если подумать, свет от вспышки уйдёт в космос и превратится в бессмертную волну, несущуюся, чёрт знает куда. Интересно, как далеко она дойдёт».

Мысль понравилась, уводя от набивших оскомину воспоминаний о детстве. Она улыбнулась, всё-таки под звёздами очищение происходило быстрее. И эффективнее. Вот и сейчас – пусть детская, и даже не особо умная – мысль забав-

ляла. Подкорка будет прокручивать задачу, так и эдак, ещё некоторое время, отпустив сознание на вольные хлеба.

Вздохнув глубоко, Катя, откинувшись и снова взгляделась в небо. Теперь это превратилось в чистое удовольствие. В её восприятии каждая звезда имела уникальные цвет, голос и песню. Да, небесные светлячки пели для неё. Лишь ради этого она готова была приходить на крышу каждую ночь. А на даче она и вовсе спала на улице – в гамаке, или на старой раскладушке, укутавшись в древний плед, пропахший ромашками. Там отсутствовал смрад человеческих мыслей – на природе люди отдыхали от всего, и – даже от себя. А в городе приходилось закрываться постоянно, следя, как бы не проползла чужая эмоция и не срезонировала на тонких струнах эмпатии.

Катя поёжилась, отгоняя воспоминание. Да, тогда получилось очень плохо. Поссорившись с матерью, она нечаянно раскрыла своё сознание и внезапно оказалась во власти чужих эмоций – где-то в соседнем подъезде пьяный мужик избивал жену. Несущаяся от него волна ненависти вошла в Катю. И вышла из неё бушующим торнадо, разлетевшись во все стороны и затопив сознания всех людей в радиусе около ста метров, настолько она открылась тогда. Злополучный вечер запомнил весь дом. И старушки судачили ещё не одну неделю, вспоминая «ту» пятницу. А Катя ещё долго шептала слова благодарности звёздам, за то, что тогда не случилось

смертоубийства. Разбитые губы, выбитые зубы, поломанная мебель и выбитые стёкла – не в счёт.

А мама с папой не почувствовали. «Блаженные, – усмехнулась Катя, – Ничто их не берёт».

Хотела бы и она так. Найти свою половину, чтобы не бояться ничего и никого. А самое главное – быть любимой, ощущать тепло и уют. Не из родительских побуждений, а по-настоящему. Стать желанной и единственной – как ей этого хотелось, кто бы только знал. Она всё отдала бы за чувство близости, но – увы.

Катя вспомнила, каким был первый – и последний – случай такой близости.

Это произошло в детском саду. Пять лет, старшая группа. Уже считающие себя взрослыми и безумно галантными дети. Василёк из второй группы долго ухаживал за ней. Куда там взрослым самцам до церемонности чистого душой мальчишки. Игрушки, конфеты... Особенно запомнился рожок мороженого, протасченный в сад непонятно каким образом.

Вот тогда-то он и чмокнул её прямо в измазанные пломбиром и вишнёвым джемом губы. И она, от непривычного чувства близости – открылась. И завизжала от страха, увидев, как потекла перед её взором Васина кожа, открывая спрятанные внутри венки и артерии, а потом и бьющееся сердце, которое, вдруг, затрепыхалось пойманным мотыльком. Перед Катей проносились образы – мальчишка, паренёк, мужчина... кровь на асфальте... Она оттолкнула Василька, и друг

отлетел, стукнувшись о кабинку головой. Рёву было много, с обеих сторон. И она навсегда запомнила испуганный, обиженно-недоумённый взгляд Василя, когда он уходил домой.

На другой день Катя намеренно поссорилась с ним. И больше никому не давала поводов для сближения. «Снежная королева» – прозвище появилось уже в выпускной группе. «Умничка. Но задавака. И глаза-холоднючие, как ледышки» – так её охарактеризовала нянечка, Илона Павловна. Старых кровей, бабуля не лезла за словом в карман и не стеснялась выдавать хлёсткие эпитеты детям, не взирая на статус их родителей. Если бы она знала, в каком ужасе пребывала Катя, считающая, что поцелуй чуть не стал причиной смерти Василя – то смягчилась бы. Наверняка. Но – она не знала. И не знал никто. Все семь лет в школе Катя оставалась точно такой же ледышкой, отбивая неуклюжие попытки одноклассников и мальчишек из других классов сблизиться.

А ею увлекались многие. Худощавая, с идеальной развитой фигурой классических пропорций, длинноногая и с пышной шевелюрой огненных волос – Катя словно сошла с обложки буклета дорогих импортных кукол. Вот только глаза. Синие – но не небесной синью, нет. Глаза синели, как уходящие в лёд дыры. Взгляда этих замораживателей хватало, чтобы у воздыхателя не приключалось второго приступа обожания. Порой добавлялась и пара-тройка слов. Не обидных, нет – а идеально описывающих глубинную суть недостатков наглеца, посягнувшего на дружбу с ней. С самой

Снежной Королевой. Она находила, что сказать каждому – ведь это совсем не сложно для того, кто видит людей насквозь. Скрепя своё сердце, она защищала чужие. И плакала по ночам, закрывшись от мира шторами одиночества.

Снова мигнула падающая звезда, и Катя улыбнулась. Вторая – это уже много. Она успела загадать желание, пусть оно исполнится, даже и не скоро. Желание не новое, очень простое: «Пусть появится кто-то, как я. Избавьте меня от одиночества, пожалуйста, звёзды – я прошу Вас...»

Она не особо верила в чудеса, хотя, если задуматься – сама являлась таковым. В глазах окружающих людей, раскрыв лишь частичку своего потенциала, она стала бы кем угодно, появившись вдруг такое желание. Вот только, желания не возникало. Катя была иной, не такой, как они. И вознося детские просьбы ночному небу, твёрдо уповала на теорию вероятности, рассчитывая – раз появилась она, то есть и ещё кто-то. Не бывает ничего абсолютно случайного в этом мире, всё повторяется, так или иначе. И где-то в ночи есть подобный ей. А может, и не один. И – даже не одна. Так считал холодный разум, проснувшийся вместе с первым криком, который издала когда-то новорожденная.

Катя прислушалась к ночи, и улыбка угасла. Похоже, отец снова решил провести душевную беседу, и теперь тяжело поднимался на крышу.

Замок на чердачную дверь он ставил не единожды. Раз за разом, запоры чудесным образом оказывались вскрытыми без особого шума, и он смирился. Заваривать двери наглухо отец не осмелился, это грозило неприятностями с Жэком и ментами.

Вот и он. Кате было жалко отца, отдававшего все силы на воспитание дочери и на здоровье матери. Но принятое однажды решение отдалить от себя всех – распространилось и на них. Катя боялась раскрываться, помня, как дрогнуло, останавливаясь, сердце Василька. Улыбка, тёплое: «Я люблю вас, мам, пап...», и не более. Она боялась. За них.

Катя вздохнула, уже зная, что сейчас услышит.

– Кать, ну разве так можно? – задыхающийся от подъёма на крышу отец даже не стал приводить себя в порядок. – Ну, сколько можно на крышу шастать? Мама там беспокоится. Ей что-то приснилось, пошла к тебе – а тебя снова нет. Ну, хоть дверь на чердак оставила открытой, и то ладно.

Но зачем, опять-то? Кать??

– Пап, посмотри какая ночь... – внутри всё рвалось, но голос не дрожал. – Уже две звёзды упали... Помнишь, как ты учил?

Отец растерянно умолк. Да, он помнил, конечно же. Катя увидела отцовские мысли, и себя в них. Снова стало горько.

Стреляющий угольками костёр на берегу вялотекущей реки, тёмное пятно палатки в ночи. Они тогда пошли в по-

ход, на два дня с ночёвкой у реки. Отец умудрился наловить рыбы, соорудив удочку из срубленной талины и куска лески с катушки, извлечённой из кармана старой энцефалитки. И сварил уху, со смехом отбросив в сторону выданные матерью в дорогу банки тушёнки и сгущённого молока. А потом он и Катя облазили все кусты на опушке леса, и нарвали там листьев смородины и травы, которую отец назвал белоголовиком. Чай получился бесподобным.

Затем они сидели и смотрели на небо, считая упавшие звёзды. Про каждую небожительницу, что прочерчивала небо, отец рассказывал увлекательную историю. И, конечно же, рассказал про обычай загадывания желания на упавшую звезду. Она тогда загадала найти себе подобных, в первый раз. И погрузилась в мягкие потоки счастья, хотя и не подавала вида. Но отец почувствовал. Наверное, часть её эмоций всё-таки просочилась наружу – и он тоже окунулся в счастье. Если бы с ними оказалась и мама, Катя не удержалась бы – и тогда лёд одиночества раскололся бы, не вынеся волшебства звёздной ночи. Но мамы с ними не было.

Седеющий мужчина и семилетняя девчушка сидели у костра и весело болтали, смеясь и подкидывая в костёр маленькие щепки. И ворох искр, поднимающийся от костра, вторил радостному смеху, возносясь к Млечному Пути.

«Да, вот так всё и было, пап. Ты же помнишь, я слышу...» – подумала Катя. А отец закашлялся и присел рядом.

– Да, Катюш. Я помню. Как не помнить... Не думал, что ты... – голос прервался.

– Пап... ну, пап... не надо. Не мучайтесь вы, и не бойтесь. Сколько уже говорить-то. Мне хорошо здесь, ты же должен понимать. Звёзды – они не люди, с ними легко разговаривать.

– А мы, с нами тяжело?

– Пап. Не начинай снова... – Катин голос похолодел. – Я прошу, не начинай. И маме скажи. Хотя, я и сама могу.

– Да нет уж... я сам. Домой пойдёшь?

– Посижу еще, до третьей звёзды, пап... до третьей звёзды.

Отец вздрогнул и сгорбился, а Катя чертыхнулась про себя. Дважды за вечер давить на одну и ту же точку – недостойно. И, глядя в спину отца, потерянно бредущего к выходу на чердак, кляла себя на все лады. Конечно же – не забыв закрыть от мира.

Послушав мысли отца и убедившись, что он благополучно добрался до квартиры, Катя поднялась с выступа переборки и подошла к ограждению на краю крыши. Набегающий снизу ветер взъерошил волосы, и она зажмурилась, как кошка. А потом открыла глаза и устремила взор вдаль. Ночной город сиял, а улицы струились между пятнистыми тушами кварталов огненными змеями. Но её не интересовали огни города – она надеялась, что сможет уловить настоящий огонь, подобный своему. Хотя и боялась, что другие закрываются точно

так же, как и она.

Горизонт снова прочертила падающая звезда. Третья. Пора и домой, сказанного не воротишь... а она всегда поступала соответственно своим словам и обещаниям.

Сноровисто спустившись по лесенке с чердака, она отправилась домой. Стараясь не шуметь, отперла дверь и проскользнула в свою комнату. Мать не выглянула, значит, обиделась крепко, хотя не покажет и вида, как всегда. В чём-то они были похожи. Возможно, свою твёрдость Катя почерпнула именно у матери, очень возможно. Катя прогнала пустую мысль, чтобы та не вертелась в голове всю ночь.

Быстро переоделась, накинула пижаму и скользнула в постель. Звёзд в окне не было видно – посаженные когда-то давно под окнами мелкие чахлые прутья превратились в мощные высокие берёзы, и теперь застилали небо и съедали весь свет. Маленький кусочек звёздной глубины был доступен только с одной точки, там Катя и сидела обычно, готовя школьные задания. Но стоило появиться небольшому облачку – и всё... небо и звёзды за окном пропадали. И ей становилось одиноко.

Глаза закрылись сами собой. И пришёл сон.

«Иди в огонь» – шёпот прозвучал, как гром. В мире сна всегда раздавался только один звук – ярость бьющегося пламени и шорох осыпающегося пепла. И неожиданный шёпот расколол сон, как орех.

Катя не могла понять, откуда взялся голос. Сон ушёл, вместе с огнём. И – Голосом. Это было... необычно. И – неприятно. И даже – страшно. Она вдруг почувствовала неуверенность, как любая девушка на Земле, которую во сне посещают Голоса.

«Наяву осталось услышать», – хихикнула она. – «И всё, привет Кащенко».

Ситуация требовала какого-то решения. Катя подумала, и решила на аналитик-сон. Принимая решение, она колебалась, но другого пути не видела.

Выровняла дыхание, расслабилась... и сон не заставил себя ждать, заключив её в свои объятия. Но, подсознание уже ждало – не страшась, а анализируя.

Огонь ревел тысячей адских домен. В обычном сне он являлся ей ласковым зверем, не выпускающим когтей. Но сейчас, в осознанном сне – уподобился разъярённому дракону, что желал спалить всё и вся. И притягивал, как и всегда, даже сильнее. Завитки огня привычно свивались в непонятные слова... символы бегали один за другим, распадаясь в искры, а она не понимала ни единого из них.

И снова донёсся шёпот.

– Иди в огонь... войди... стань огнём.

– Кто ты? – Слышать собственный голос со стороны было необычно. Это отличалось от воспроизведения видео или аудиозаписи. Она словно стояла где-то в сторонке, и наблюдала за чужаком, лишь похожим на неё.

– Иди в огонь. Сожги себя и воспрянь очищенной... – Шёпот манил.

– Кто ты такой? Такое... что ты вообще и откуда? – Вопросы не доходили до Голоса, он твердил своё, раз за разом, и Кате стало скучно. Сон оказался глупым, словно кто-то включил для неё закольцованную запись, хихикая в кулачок.

– Иди в огонь. Стань им. Сгори... – Шёпот постепенно затихал и отдалялся, словно поняв, наконец, что стал неинтересен. И исчез. А пламя взревело и опало привычным пеплом.

Катя проснулась. За окном тускло отсвечивало утро. Свет, как всегда, доходил до комнаты лишь рваными, отражёнными кусками.

Раздумывая над странностями сна, Катя побрела в ванную. Споро умылась и почистила зубы. Родители уже уехали. Они вечно опасались опоздать.

То, что они приезжали на работу почти каждый раз минут на сорок раньше – в расчёт не принималось. А, может, они уезжали пораньше, чтобы избежать утренних встреч и возможных упреков. Но завтрак всегда был готов и ожидал Катю на небольшом подносе. Лёгкий, вкусный, сытный. Такой, каким и должен быть приготовленный для любимого человека завтрак. Это Катя тоже понимала.

Позавтракав и собрав всё необходимое, она отправилась в школу.

День прошёл, как обычно. Одноклассники привычно сторонились ледышки. Учителя тоже не желали выслушивать её холодные умствования по поводу устаревших конспектов. В общем – скучно. Шесть уроков пролетели быстро. Катя думала о Голосе – как, откуда и почему он появился во сне. И не свидетельствовало ли это о расстройстве, а то и начале распада её психики. Но то, что голос не просто приснился, а был чем-то самостоятельным, она уяснила чётко и надёжно. Подсознание, работающее на сто процентов и под полным контролем, позволяло вытворять и не такое. Если бы она желала, то давно стала медалистом и призёром большинства олимпиад школы и города. Вопрос – зачем? Быть известной, да ещё в качестве супер-ботана – ей не нравилось, слишком уныло и скучно. И так уж, далеко не фея.

Катя уже направлялась на выход, когда наткнулась на него. Или – он на неё.

Разбитного вида паренёк, с взъерошенной шевелюрой и бегающими глазами на мятом лице, подвалил, словно старый знакомый. Она с сомнением посмотрела на дорогой, но безвкусный прикид, и решила подождать продолжения банкета. Хотя, то, что виделось в его ауре – ей совершенно не нравилось.словно клубок змей гнездился в незнакомце, постоянно переползая из руки в руку, покусывая владельца... И ему это нравилось!

– Слышь, чува... – голос подстать внутреннему содержа-

нию был странно дрожащим. Парень постоянно сглатывал что-то и едва сдерживался от шмыгания. – Это, слышь, чё скажу.

– Что вам нужно? – Катя остановилась. Похоже, шутка превращалась в фарс. А незнакомец – в клоуна, который ошибся адресом. – Вы меня с кем-то путаете.

– Да не, я ничё не попутал. Я ж вижу – ты из наших... хочешь чего-нить?

– Из каких – ваших? Что я должна хотеть? – Катя растерялась.

– Да ты из себя не строй умницу-то, вон глаза стеклянные. Ручки чистые... колёсами закидываешься или по клею прикалываешься? У меня полный набор, малышка. – Парень расстегнул пару пуговиц на кожаном пиджачке, но Катя остановила его.

– Я сейчас охрану вызову, не хватало еще, чтобы в школе наркоту толкали!

Напор девушки слегка обескуражил пушера, и взгляд его заметался по сторонам, растекаясь внезапно, словно теряя фокус. У Кати эта картина вызвала стойкое ощущение лицемерия раздавленной кошки. Оглядевшись и убедившись, что рядом никого не видно, парень оскалился.

– А ты чё из себя строишь-то? Чё ты мне мозг паришь, тебя ж все обдолбышем считают. Я, типа, мимо шёл и к девчонке подошёл, ты чё мне тут? Вечно шар стеклянный. А ещё чушь всякую городишь постоянно. Ты индигу из себя

не строй, клуха драная. Тоже мне, придумала. Я тебе дело предлагаю, по чесноку! У меня товар, у тебя – мани. Ченьдж?

Катю смяло негодование. Она не могла вдохнуть и ответить этому мерзкому негодяю, внезапно вторгшемуся в её жизнь и несущему сейчас что-то несусветное. Она – наркоманка? Ненормальная, наширявшаяся где-то за углом пустышка, мешающая всем? Огонь внутри вдруг вспыхнул жарким маревом...

– Кто я, говоришь? Индиго, клуха драная? – Катя схватила парня за руку и уставилась прямо в глаза. – А что ты вообще знаешь об индиго? Ты... что ты можешь знать? – Ярость взметнулась жарким огнём.

И пламя её ненависти потекло в зрачки пушера. Тщедушный парнишка согнулся перед ней и содрогался всем телом, не в силах вырвать руку из цепкого захвата и оторвать взгляд от иссушающего огня.

– Полный набор, говоришь? Ну, так я тебе разбавлю ассортимент. Огоньку, с самой преисподней, устроит? Первая доза – бесплатно! – Катя не знала, откуда пришли слова, что сейчас рвались из неё гневным потоком.

Но обладатель кожаного пиджака – и полного набора чего-то грязного под ним – уже ничего не слышал. Остеклевшие глаза уставились куда-то далеко, а из уголка рта потекла тонкая нитка слюны, рисуя на глади кожи затейливые спиральки.

– Тьфу, господи... – Катя отпустила руку и отскочила от

трясущегося парня.

Её и саму трясло. Она словно вернулась в прошлое. Когда она впала в ярость, плоть парня под её взглядом стала прозрачной, и глазам предстало изъязвленное сердце. И потекли образы его будущего. Ему оставалось совсем немного, гуляющая по венам чернота наркоты съедала остатки жизни бешеными темпами. Но сердце всё-таки ещё трепыхалось, не желая останавливаться... И, собрав себя в тугой комок льда, Катя сумела отпустить узду, чтобы оно не замерло совсем, здесь и сейчас.

Сознание она ему изломала сильно, пусть и не специально, а во внезапном порыве. В голове пушера сейчас творился полный бардак. Быстро его просмотрев, Катя вздохнула облегчённо – ничего непоправимого не произошло. До вечера он отойдет, но запомнит все ощущаемые сейчас радости бытия.

Повинуясь внезапному импульсу, Катя добавила незнакомцу в подсознание отвращение к наркоте. Вообще ко всей... Она даже подумывала создать рвотный рефлекс от упоминания любого препарата, но решила, что полученного урока хватит. Хотя... Лёгких позывов ему теперь не избежать.

Придержав дыхание и уйдя в обычный холод, она взяла пушера за руку и отвела к подоконнику, где и усадила на пол. Посторонних эта картина ничем не заинтересовала бы – ученик-переросток отдыхает, возможно, перед контрольной.

Пусть посидит, пока не попадётся на глаза кому-нибудь, кто любит задавать вопросы. Там уже и разберутся.

Она огляделась. Вроде, никто в пределах видимости так и не появился. Значит, всё нормально. Кроме одного – она сорвалась. Замарала себя грязью этого недочеловека, выпустив на волю ярость внутреннего огня. Рука до сих пор ощущалась испачканной липкой чернотой. Словно мерзость парня зацепилась и за неё. Хотелось очиститься, удалить с себя гадостное ощущение.

Она приехала домой и долго мылась, ожесточённо оттирая руки. Стало легче, и как будто бы отпустило. Но на крышу сегодня не тянуло.

Общаться с миром в таком взвинченном состоянии совсем не хотелось. Включила лёгкий амбиент, прилегла на старую думку – и внезапно уснула. Мать, зашедшая в комнату, удивилась дочери, уснувшей засветло. Такого не случилось уже давно. А ещё Катя странно лежала, держа руку на отлёте.

Сон пришёл, как всегда. Вот только ощущение грязи проникло и туда. Рука зудела, словно в ней что-то жило. Катя избегала даже взглянуть на неё, боясь увидеть там копошащихся червей. Обычно холодная, она вдруг оказалась беззащитной от прикосновения к чуждой черноте.

И тут снова зазвучал Голос, словно услышав её терзания: – Иди в огонь. Сожги себя и воспрянь очищенной. Очи-

стись.

Странным образом, слова наложились на состояние души и разума. Она вдруг решилась, страшась и желая одновременно. Как всегда. Но – сегодня она была готова на всё. Огонь влёт так давно. И так уже слишком много его развеялось пеплом за минувшие года.

Катя боялась лишь одного – что огонь рассыплется, не дождавшись. Раскинув руки, она бросилась в бушующее пламя.

Глава 2

Он не понимал где находится, что с ним. Мир вокруг штормило, он превратился в калейдоскоп и бесконечные цветные мазки мельтешили перед глазами, вызывая тошноту. Накатившая неизвестно откуда дурнота не уходила.

Он не помнил, что и как случилось. Да и случилось ли?

Утро началось хорошо, ну, или – как обычно. «Хорошо» не было уже давно. День сменял день, и они походили на полных близнецов. В памяти плавало, как он собирался в семьсот двадцать третью школу – что-то там он намеревался сделать, воспоминания об этом были чёткими. Как и предвкушение очередной победы.

«Какой победы?» – чёрт, он не мог вспомнить. Значит, что-то обыденное, привычное. И, наверняка, связано с новым клиентом... Да, точно.

Тело скрутило позывом рвоты, кислая волна подкатила к горлу и билась там пеной, грозя вырваться наружу. Да что же это такое, привычная мысль о бизнесе и связанном с ним товаром вогнали в дрожь и пот, превращая в развалину, подобную тем, над которыми он всегда смеялся. Издевался, протягивая дозу – «Чёрт, снова... как же мне плохо-то, а...» – и дразняще отдёргивал от тянущихся к нему исколотых рук.

Брат натаскивал его недолго. Он быстро, раз и навсегда, впечатал ему в сознание это чувство – превосходства над

быдлом, что копошилось под ногами и являлось, на самом деле, лишь одним – кошельком. Тем самым, что открывает-ся для умеющих брать. А это брат умел. Ой, как умел. И научил тому же и его – выискивать среди людей червей, кото-рых можно превратить в подобие личинок шелкопряда – и тянуть из них золотые нити в обмен на еду. И едой этой ста-новилась доза.

Существовали разные виды червячков, и каждый из них предпочитал свою – особенную еду – без которой уже не мог жить, потому что доза изменяла суть, превращала в окуклив-шихся существ, живших в ином мире и подчинённых лишь одному – получению кайфа. Куколки не задумывались об этом, считая очередную дозу лишь необязательным десер-том к обычному меню. Но – глубоко ошибались.

Валет так и находил потенциальных клиентов – они и впрямь походили на червей. Для него они были, как встав-шие на один конец длинные бледные штуки без лица и без глаз. Бледные, но не бесцветные. Каждый червь имел свою особенность, будь то оттенок цвета, или толщина колец чер-вячьего тела – присмотревшись, Валет быстро узнавал, что же хочет этот, очередной в списке, источник бабла.

А вот его брату, Кайзеру, для этого хватало простого ми-молетного взгляда. В глубоких кавернах глаз таилось мрач-ное нечто, повергающее окружение в беспрекословное под-чинение. Выходец из детдома, прошедший сквозь горнило казённых стен, Кирилл Бuzин заработал прозвище там же,

благодаря любви к железному порядку, что культивировали в Германии прошлых веков. И порядок устанавливал сам – такой, какой считал нужным.

Выходя из стен детдома в свободное плавание, Кайзер стал свободным на самом деле, имея немалый начальный капитал и крепкую, сбитую из таких же как он, ватагу пацанов, повязанных с ним разным, в том числе и кровью. Пустырь городка, где располагался их детдом, хранил немало историй, каждая из которых добавляла цементу между кирпичиками его будущего Дома.

Да, Кайзер, а имя он разрешал называть только близким, мечтал о своём Доме, по типу того, как в далёкой Сицилии создавались семейные кланы матео, чьим символом была лупара. И не торопясь, шаг за шагом, продвигался к этому. Хотя, Сицилия была далеко, и тамошние порядки были точно так же далеки от того, что царило здесь, дома.

Молодому волчонку поначалу пришлось несладко. Город давно разделили между собой старые волки. А кое-где сидели звери и пострашнее. Лавируя между ними, где-то прогибаясь, а где и скаля зубы – Кайзер потихоньку выбивался в цвет. И нашёл себе нишу в одном из районов, открыв там ночной клуб из разряда «Дорого и гламурно». В такие места обычно и слетаются мажоры и бабочки-однодневки, и для них в клубе разбрасывались вкуснейшие и разнообразнейшие приманки. Раз. Другой. Третий. И всё – куколка готова.

Клуб превратился в гигантское тутовое дерево, на кото-

ром трудились сотни шелкопрядов, ткущих золотое полотно, нить за нитью. А потом Кайзер решил, что пора раскинуть паутину пошире, и его пушеры, выйдя из полумрака дансинга, растеклись по окрестным улицам и школам.

«Колёса, пыльца, травка – но ничего жёсткого. Детство надо беречь» – усмехаясь, напутствовал в дорогу уже заматерелый волк своих борзых щенят. И они оправдывали свой хлеб.

Валета снова скрутило спазмом от воспоминания о наркоте. Самое страшное, что его, кажется, накрывала ломка.

Небольшая доза – «У, больно-о-о-о-о» – сейчас не помешала бы. Но, стоило подумать об этом, и тело мучительно среагировало позывами к рвоте. Вчерашняя привычная «радость» превратилась в источник мучения. И – страха.

Если Кайзер заметит признаки ломки – добра не жди. Таков закон стаи – не касаться дряни, которая предназначена для червей. Вообще никакой, ибо волчий удел – сила, а не грязные сортиры, где один шприц на всех и могила затем – тоже общая.

Кайзер ненавидел нарков и любителей закинуться. Ненавидел чистой лютой ненавистью, корни которой уходили в далёкое прошлое, ещё в детдом. Некоторые из его стаи помнили те события, оказавшись их участниками. Валет тоже был там. И знал, чем обернется понимание Кайзером глубины падения братишки Валеры – большой болью, а то и изгнанием. Хотя, быть может, брат его простит. А может и на-

оборот – сочтёт предателем памяти.

Валет зацепился случайно. Точно так же, как и все, кого он сажал, мимоходом, на дозу – шутя, думая, что это всего лишь один раз.

Он тогда охаживал нехилую такую девочку, не зная как подступиться. Охаживал-охаживал, и, в конце концов, оказался в одной постели с ней, закинутой суровой дозой дряни, которую он же и продал. И, плаваясь от жара женской ласки – не устоял, прельстившись обещанием запредельного секса. Секс был и вправду вне границ обычного. Его тогда накрыло так, как никогда до этого. После – такое повторялось. И не раз. Но, каждый раз доза становилась чуть больше, а потом её стало не хватать. Кокс сменился герычем.

Валет не считал себя червяком, ведь он стоял выше быдла. Вот только, безумно хотелось вкатить дозу.

Мир снова завертелся. В голове метались какие-то образы, отказывающиеся складываться во что-то единое и понятное. Далёкий голос, от которого несло гневом и злостью. И чувство прикосновения, кидающее в жар, словно по венам прокатывалась волна жидкого огня. И от этой волны вставляло никак не меньше, чем от дозы.

Его вывернуло наизнанку.

Сплёвывая сгусток желчи он зарекся думать о наркоте. Вообще. Пусть мир рухнет и всё сгорит. Пусть его разнесёт на куски. Пусть Кайзер вспорет ему брюхо в назидание новым псам. Пусть. Гори оно всё огнем. Тем самым, что сейчас

горел внутри и выжигал в нём его самого, дотла. Того, каким он стал в детдоме. И что там останется в итоге – он не знал. И не хотел знать.

На кровати билось в судорогах существо, не похожее на человека. Нет, там извивался на невидимом крючке невидимого рыболова бледный бесцветный червяк.

И в его подсознание медленно, но неуклонно, пробивался странный сон.

Глава 3

Машина неслась вперёд, мягко покачиваясь на неровностях дороги, которая уходила куда-то вдаль и растекалась там по линии горизонта.

Странное дело, несмотря на то, что погода стояла изумительная, и не выбраться в такой день на природу было просто кощунственно – трасса пустовала. Позади и впереди шоссе оставалось девственно чистым.

Изредка из марева разогретого воздуха выскакивала встречная, налетая сердитым шмелем и тотчас исчезая где-то позади. Пару раз их, устремлённый в далекую даль минивен обгоняли, подмигивая аварийкой и торжествуя сигналя, точно такие же, летящие куда-то вдаль машины – но сидящим внутри было всё равно.

Они торопились, но гнать с безумной скоростью? Нет, такого сумасшествия водитель себе позволить не мог.

Игорь поглядывал на супругу, сидящую на заднем сидении. Мария сидела там напряжённая, и не обращала внимания ни на пролетающие за окнами красоты природы, ни на поддерживающие реплики мужа. Она была целиком поглощена сынишкой, который находился рядом с ней в детском сидении.

Мощное массивное сооружение больше походило на кровать, но именно этого они и хотели, выбирая автокресло для

Висса. Продавец тогда едва не охрип, расписывая достоинства различных моделей. И, в конце концов, они выбрали именно эту, как обеспечивающую максимальную безопасность и комфорт.

Сынишка возлежал в кресле, как король на выезде, и радостно улыбался беззубым ртом. Ему было интересно, ведь не каждый день удаётся отправиться в путешествие, покинув привычные стены. И сейчас он впитывал в себя каждую минуту поездки, вглядываясь в пролетающие снаружи картинки. Время от времени малыш начинал возиться, размахивая ручонками в тщетной попытке освободиться от пут, и залиристо смеялся, когда мать поправляла его, щекоча и глядя, как котёнка. Смех сына прогонял напряжение, которое поселилось на лице и в глазах матери.

Она сейчас походила на птицу, раскинувшую крылья над птенцом в ожидании удара. Мария вглядывалась в личико сына, ловя его смех и веселье, как ловит свет солнца одинокий цветок. И ловя их, она боялась, что это солнце внезапно затянет чёрная пелена тяжёлых туч.

Игорь стиснул зубы, и нога, сама собой, придавила педаль газа. Стрелка спидометра рванула по кругу, но он подавил невольный выплеск подсознания и мотор, недовольно урча, сбавил обороты. Оставалось совсем чуть-чуть, спешить не стоит, ведь дорога коварна. Он чувствовал напряжение, повисшее в салоне тяжелым мартеновским ковшом, обжигая и давя на плечи и ему и Марии.

Если бы сыну сейчас стало вновь плохо, то он не знал, что сделал бы тогда – втопил бы педаль до упора, или наоборот, уткнулся в обочину и ждал, скрипя зубами и сжимая бесстрастный руль до ломоты в суставах? Лучше уж не думать и не зазывать беду. И он старался не думать.

Поездка стала погоней за надеждой. Пусть и предстояло съездить всего на неполную сотню километров от города. Последнее средство, к которому они даже никогда и не думали прибегать, но все остальные были уже давно испробованы и ничего не дали.

Визиты в поликлинику, больницы... консультации со всеми, до кого только можно пробиться – за плату, или по дружескому благу – в ход пошло всё. Но ничего не помогало – все что-то спрашивали, изучали, назначали тьму анализов и выписывали потом точно такую же тьму лекарств. И ни один при этом не смог сказать, что же, собственно, приключилось такое с их малышом.

После изучения на вкладышах к выписанным лекарствам свойств и возможных побочных действий становилось понятно, что врачи стреляют из пушки по воробьям. Причём палили они по площадям, а не по конкретной цели. На возмущённые вопросы ответ у эскулапов был один: «Мы лечим... Как можем, да – но лечим. Что-то, да поможет. А вы надейтесь, мамаша...».

А Виссариончик всё чаще впадал в Это состояние.

Самым страшным для них оказалось то, что Это, казалось бы, не причиняет сыну никаких хлопот и боли. Ребёнок просто деревенел и становился похожим на куклу, хрупкую и неживую. Глаза его, обычно бездонные, внезапно становились пустыми и безжизненными, а потом глазные яблоки закатывались, являя миру голубовато-белую упругую плоть. Несколько минут, полчаса, час – когда как, всегда по разному. И каждый раз Виссариончик оживал и играл себе дальше, словно ничего и не случилось.

Игорь вспомнил, как впервые ощутил сынишку.

Мария тогда счастливо засмеялась и с загадочным видом протянула мужу руку. И прижала протянутую в ответ ладонь мужа к выпирающему животу. Игорь даже не понял сначала, что происходит, но его мягко толкнуло и он ощутил, как по руке и выше, прямо в него, прокатилась тёплая волна. И он замер, прислушиваясь к тому, что жило сейчас в его любимой жене, и одновременно – в нём. Необъяснимо и волшебное. А Мария счастливо улыбалась, внимая этому волшебству.

Беременность протекала тоже как по волшебству. Токсикоз так и остался для них страшной сказкой – рассказанной многими, но так и не сбывшейся. С каждым днём Мария лишь расцветала, обретая посконную красоту женщины, становящейся матерью. Ни располневший стан, ни припухлость лица – ничего не могло спрятать красоты.

Игорь тогда часто шептал слова благодарности небесам, одаривших его и Марию этой радостью. Ведь они стремились к этому все годы совместной жизни, мечтая о ребёнке. Как говорится – работали изо всех сил. Но, ребёнок так и не появлялся. И вдруг, когда они уже устали от надежд – случилось!

Да, не было никаких предпосылок. Ни определения правильного времени для зачатия, ни диеты и прочих медицинских и житейских хитростей. Ни-че-го. Но в один прекрасный день, смущённая донельзя жена дрожащим голосом, пропитанным надеждой и страхом, попросила его добежать до аптеки.

Женские подсчёты на этот раз не обманули – задержка оказалась той самой. И он тогда обнял чудеснейшее создание на земле, которое стало для него вдвойне дороже, ибо несло в себе продолжение их обоих.

Он покрыл её в тот день поцелуями. Всю, сантиметр за сантиметром, палец за пальцем. И долго ещё вглядывался в глаза, наполнившиеся новым знанием. Ведь она стала носителем новой жизни. И жизнь эта, не спеша – день за днём, час за часом – развивалась и готовилась к свету.

После того раза, когда он ощутил первый толчок ещё нерождённого сына, Игорь очень изменился, став совсем другим. Ведь он не просто почувствовал шевеление, нет, он прикоснулся к чему-то более глубокому – и личному. Раз за разом, прикасаясь к животу жены, он разговаривал с расту-

щим комком плоти, которому суждено стать его продолжением. И сын всегда отвечал, то мягким толчком в живот мамы, то животворной волной тепла, окатывающей мать и отца.

Так и шло, до момента рождения. Роды прошли, по ощущениям Марии и заявлениям акушеров – на диво легко. Мария даже не поняла толком, каково это – тяготы явления на свет нового существа. Все вокруг вдруг засуетились, её уложили на каталку, куда-то повезли, и там был белый-белый свет. Потом она закричала, когда ей сказали кричать – и услышала крик новорождённого. И облегчённо зарыдала, не веря, что всё позади.

Поднесённый санитаркой сын молча, каким-то неземным взором, взирал на счастливое лицо матери. А она радовалась ощущению тяжести на руках и всматривалась в личико сынишки, шепча что-то бессвязное и благодаря всех вокруг.

Выписали их быстро, да и какой смысл держать в отделении абсолютно здорового ребёнка с не менее здоровой мамой? И в доме поселился маленький, но очень глубокий источник радости, дарящий родителям смысл дальнейшего существования.

Сын рос быстро, без особых трудностей преодолевая день за днём. Маленький человечек не заплакал ни разу, его почему-то обходили стороной все младенческие горести и печали. Улыбка и спокойная синева широко распахнутых глаз – день за днем, минута за минутой – родители не верили такому счастью и часто постукивали по косякам, отводя горе-

сти подальше.

Так и шло всё, пока не пришла Эта хворь.

И теперь они надеялись лишь на чудо, которое им посоветовала старая бабулька, пахнувшая хлебом и молоком, неведомо как оказавшаяся в детской больнице.

Машина неслась вперёд...

Глава 4

Внешне Кайзер не волновался. Но за внешним спокойствием таилось бешенство зверя, усилением воли загнанное на самое дно естества. Лишь глаза, и без того тёмные, налились чернотой и из них теперь ощутимо пёрло злой волной, пригибающей к полу.

Старики знали и привыкли к проявлениям внутреннего Я их предводителя, а вот молодёжь, принятая в стаю недавно, оказалась перед лицом Этого впервые.

За стенами приглушённо отбивало ритм что-то клубное, молодёжь колыхалась в полном оцепенении, подчиняясь чёткому ритму следующих одна за другой мелодий в кавычках, помогающих превращать их в стадо. Кирилл знал это, они – нет. Он много, что знал – и многое из этого знания работало сейчас за стеной, принося каждый миг не один бакс.

Молодняк стоял неровной шеренгой и преданно ел Кирилла глазами, выказывая полное подчинение, и готовность рвать куда прикажут и – у кого прикажут. Бьющаяся за стеной стадная животная сила проникала и сюда, и Кайзер разглядывал своих псов – не дрогнет ли кто, подчиняясь музыке? Пока не дёрнулся ни один, хотя внутри...

Кирилл ещё раз обвёл всех глазами и молча сплюнул. Брат отсутствовал уже три дня. Он не позвонил, не скинул смс-ку, не явился в клуб. Просто пропал, словно стёртый неведомым

ластиком.

– Ну и где Валет? – лучше бы он кричал.

Грай, старый детдомовский друг и брат, качнул головой.

– Не знаю, Кирилл. Пропал малой. То ли бухает где-то, то ли залёг у очередной подружки. Ты же его знаешь, ни дня без юбки.

– Знаю. Это всё не то. Я чувствую, что не то. Улавливаешь смысл?

Грай нахмурился. Кайзер часто проявлял волчью суть, ту, что помогла ему и им всем выбиться со дна. Эта суть помогала ему чувствовать невидимый ветер и читать незримые следы. Если он сказал, что что-то случилось или случится скоро – значит, так и есть. Сбоев предсказаний не случилось ни разу. Тем более, когда дело касалось кровных братьев. Принесённая некогда на том самом пустыре клятва сделала их не просто сплочённой группкой, нет – она спаяла отдельных людей в единый организм, многорукий и многоликий, мозгом и волей которого стал Кайзер.

– Да, уловил. Ищем. Наши везде спрашивают, кто-то всяко слышал или видел что-то.

– Что он делал в тот день? Куда собирался, что-нибудь говорил? Я его никуда не заряжал, да и он вроде не собирался никуда. Чёрт!

Боль от впечатанного в стол кулака слегка облегчила ярость. Кирилл подошёл к молодняку и прорычал:

– В общем так. Каждый вспоминает мне – что говорил

Валет, куда собирался, что хотел делать. Каждый! У кого с памятью плохо – холодильник освежит.

Ребята побледнели. Про холодильник они только слышали. И знакомиться с истинностью слухов, особенно в качестве «клиентов» – им совсем не хотелось.

– Он всю неделю что-то говорил о какой-то девчонке, которую хочет на крючок посадить. Ну, как обычно у него – Валера всегда о тёлках говорил. А об этой несколько раз рассказал, что прям королева, и он её своей сделает. Вроде в тот день и собирался замутить.

Парнишка в конце шеренги договорил и замолк, словно испугавшись того, что только что сказал. Или тех слов, которыми он это сделал.

Кайзер рывком подтянулся к нему и цепко уставился в глаза.

– Девчонка или тёлка? Вспоминай! Тёлки здесь все пасутся, а девчонки – это ещё чистые, по улицам шляются. Вспоминай, твою бога душу... Ну?!

Облизывая губы, молодой щенок продолжил:

– Вроде девчонка, из школы какой-то, кажись. Он говорил, что она какая-то не такая. Заявил, что, мол, тем интересней.

Кайзер насторожился. Если Валет сказал «не такая», значит это было что-то неординарное, своих клиентов братишка разглядывать умел. Что же он такое встретил?

– Школа? Какая?

Парнишка обливался потом, тот стекал по шее крупными каплями и терялся где-то за воротником. Тёмная сила, льющаяся от Кайзера, ломала волю, превращая в подобие куска мяса. И как тот истекал бы кровью, так и он сейчас исходил потом и слюной, забивающей рот.

Кайзер вздохнул и расслабился, а потом положил руку на плечо стоящему перед ним парню и успокаивающе произнёс:

– Так, стоп. Успокойся. Лёша, да? Я тебе уже благодарен, что вспомнил. Молодец. А теперь, помаленьку вспоминай, что и как.

Приободрившийся, словно с него сняли пудовые вериги, Алексей стоял и вспоминал:

– Кажись, семьсот двадцать третья. Мы там не пасемся, далековато, да и вроде спорная там территория и нам там делать нечего. А он сказал, что старый конь борозды не испортит.

– Семьсот двадцать третья? Это на углу Парковой и Мира?

Кайзер развернул в памяти карту района. Да, школа стояла на углу названных улиц. При этом находясь в самом дальнем конце района влияния стаи Кайзера. Спорная, нейтральная точка. Где могли пересечься его парни и соседи.

– Грай, бери ребят и мухой туда. Всё проверь, волну не подымай. Если что-то там приключилось, то это уже все знают. Школа же.

Брат кивнул, и ткнул пальцем в парочку наиболее крепких

пацанов из шеренги.

– Ты... и ты. Со мной. Бегом оделись и к гаражу. – И направился к выходу.

Кайзер молча провожал массивную фигуру брата. Он не мог поехать с ними, это неправильно. Чёртовы статусные игры. Ничего, брат метнётся быстро. Он подождёт.

Глава 5

Катя задумчиво смотрела в окно, за которым привычно гнулась под ветром уже немолодая, но тонкая берёза.

Небольшую рощицу у школы посадили давным-давно родители школьников, пожелавшие таким образом увековечить себя и своих детей в истории заведения. Что ж, память осталась добрая. Пусть и небольшая – роща давала отличную тень и чувство свежести в жаркие дни.

С ветки под окнами точно с таким же интересом уставилась на Катю любопытная синица.

В детстве Катя думала, что жёлтогрудки прилетают в город только зимой, но – либо в мире что-то изменилось, либо она думала неправильно – вёрткие птички мельтешили повсюду и летом.

С минуту Катя и птица пристально рассматривали друг друга, а затем синичка вспорхнула и исчезла среди чёрно-белых стволов.

Катя проводила её взглядом. Кажущаяся лёгкость птичьей жизни манила и прельщала, но верить этой лёгкости было бы глупо. Катя и не верила, но, всё-таки, удержаться от чувства лёгкой зависти не могла.

Мысли, подобно улетевшей птице, перепорхнули на недавние события. Несмотря на то, что прошло два дня, Катя всё ещё обдумывала произошедшее той ночью, которая

изменила многое, если не всё.

Она вспоминала сон.

Раскинув руки, она бросилась в бушующее пламя.

И рыжий демон обнял её, нежно и ласково. Так, как облекает вода, в которую ныряешь в летний день. Но, огонь не давил. Он был невесом и неосязаем, близок и далёк, вокруг и нигде. Вёрткие языки пламени плясали перед глазами и, словно дразня, уворачивались от Катиных рук, когда она пыталась их ухватить.

Катя остановилась, заморожённая безумной игрой, не зная, куда и зачем идти. Внутри огня имелся только огонь, направления и смыслы остались где-то там, снаружи.

Словно почувствовав её нерешительность, где-то вдалеке прозвучал Голос. Уже не шёпот, а настойчивый призыв:

– Приди ко мне.

Ухватив направление, Катя сделала шаг. Затем другой. Демон радостно взревел, и вокруг завертелась свистопляска огненных смерчей. Они налетали на Катю и рассыпались при прикосновении, но не прахом, как снаружи, а ворохами искр. Искры тотчас пропадали в породившем их огненном буйстве, но отдельные искорки не сгорали, а повисали рядом с Катей. И с каждым шагом их становилось чуть-чуть, но больше.

Катя неверя разглядывала вертящееся вокруг кружево пылающих светляков – они что-то напоминали ей, до бо-

ли знакомое. Но что? Понимание находилось где-то близко, возможно нужно сделать ещё шаг... еще... и еще. Искра, ещё искра, ещё и еще... И когда она уже почти поняла, в миг, когда знание готово было взорваться у неё в мозгу – вновь пришёл Голос.

– Сожги себя... Очистись!

И тотчас мягкие опахала огня превратились в испепеляющие ветра, сдирающие плоть с хрупких костей, а затем и кость перемалывающие в лёгкий серый пепел. Без всякой боли. Без всякого сожаления. Вот только пришёл ужас, что это конец – конец всему и всего.

Она сгорела.

И сгорала всю ночь. Раз за разом. Восставая из пепла и снова сгорая. Окружённая мятущимися искрами, что так и водили вокруг неё непонятный хоровод. Но с каждым воскрешением сознание очищалось, становясь всё прозрачнее и прозрачнее. Словно далёкий и неведомый ювелир создавал сейчас изумительной чистоты алмаз, выжигая все примеси, мешающие чистоте. Алмаз, которому предстояло стать... Чем? Или кем? Катя не знала. Ведь драгоценность может украшать, а может и сжигать, концентрируя и пропуская через себя гигантскую энергию.

Сон длился вечность, пламя тоже не имело границ. И череда возрождений из пепла тоже тянулась бесконечной нитью. Пока не пришло понимание того, что же она видит.

– Господи, да это же... – Катя поняла вдруг, что искорки, веселящиеся вокруг, складываются в то, что она так любила. Но получающаяся картина отличалась, отображалась как-то по-иному.

Катя развела руки – и звёзды устремились к ней. Одна за другой, сливаясь в плотный толстый луч света. Ведь вокруг носились именно они – любимые ночные мигуны, складывающиеся в созвездия и скопления, роящиеся и взрывающиеся громадными фейерверками.

Она поняла, в чём фокус – звёзды вокруг оказались старыми знакомыми, но предстали с иного ракурса, словно Катя оказалась далеко-далеко от Земли, за бесконечным звёздным полем, и смотрела сейчас на них с обратной стороны. И звёзды летели к ней. Или – она к ним, к далёкой родной планете, затерянной где-то невообразимо далеко.

Звёзды ударялись о Катю, и растекались радужной плёнкой по телу. В пыль не обратилась ни одна – удар за ударом, вспышка за вспышкой – им не было конца. И когда поток вдруг иссяк, Катя сияла всеми оттенками радуги. Круговерть цветных пятен ускорила, сливаясь в сплошной всебесцветный кокон. А потом кокон замерцал, вспухая миллиардами далёких сверхновых – и исчез, втянувшись в Катю с тонким, на грани слуха, звоном.

И вместе со звёздами исчез и огонь.

Катя висела в беспросветной темноте. Непомерно далеко булавочным проколом тихо мерцала одна-единственная бе-

лая крапинка. И от неё шло тепло, то самое, что было присуще её любимым родным человекам. Катя вдруг поняла, насколько мала и одинока эта маленькая точка в бескрайней тьме. В равнодушной и вневременной темноте, той самой, что была не тенью от света, а НЕ-светом.

Пришедшее знание отдавало банальностью, но Катя почему-то ему поразила и – приняла, вобрала с непонятной для самой себя горячностью. И тепло, идущее от далёкого светлячка, вдруг наполнило её, не жаром схлынувшего только что огня, а ласковым пушистым прикосновением материнской руки.

Словно получив незримый сигнал, далёкая отметина во тьме начала стремительно расти. Прокол во тьме, точка, жирная точка – она росла и росла, превращаясь в знакомый с детства неровный голубоватый шарик, испещрённый белыми бляхами облаков. И Катя рухнула в родной мир. Теперь он стал для неё действительно родной и близкий. Весь сразу.

Падение завершилось не в родном доме. Она очутилась в стремительно несущейся машине, понимая и ощущая находящихся в ней не очень молодых мужчину и женщину, везущих куда-то в неизвестность маленького спящего ребёнка. Ощущая каждую его и её мысль, раздвоившись внезапно и став ими обоими. Станный сон... и оборванный. Пришедший внезапно, и ушедший точно так же внезапно, подобно озорному котёнку, что царапает коготком и тут же улепётывает под кровать.

Катя осмысливала увиденный отрывок чужой жизни, понимая, что такой сон – не случайная игра подсознания. Слишком уж ярким и насыщенным было увиденное. Она надеялась, что сон вернётся и продолжится в следующую ночь, но та прошла на удивление спокойно. Не было привычной стены огня, не было Голоса, не было ничего. Просто сон.

Уснула – проснулась. Посередке – нолик, ничего. Ничего – с тьмой в серединке.

Это пугало и радовало одновременно. Пугало – неизвестностью грядущего и непониманием произошедшего. Радовало – тем же самым, но со знаком плюс, жизнь вдруг обрела тысячу новых оттенков и завтрашний день не обязательно окажется повторением вчерашнего.

И новый день стал действительно новым.

От раздумий Катю отвлек рёв моторов за окном, оборвавшийся визгом тормозов. К школе подполз глянцевой гусеничкой кортеж из трех джипов с тонировкой стёкол, вторящей чёрному цвету машин. Из передней вытек спортивного вида мужчина, немолодой на вид, с короткой стрижкой, как у киношных братков. В отличие от последних – облачённый в явно дорогой костюм, и с повадками барса на послеобеденной прогулке.

Катя наблюдала за развитием происходящего. Вышедшего первым мужчину уже окружили упруго выпрыгнувшие из

задних машин парни, и группа направилась к школе.

Что-то в нём было не так, Катя не могла понять – что. Словно она видела картинку на витрине, скрывающую другое, внутреннее, содержимое. И тогда она протянула к этому странному человеку тонкую нить своего умения – и прикоснулась. И тотчас отпрянула, внутренне ошетинившись кошкой от неприятного ощущения.

Незнакомца облекала серая вуаль, прячущая его истинное Я глубоко внутри. Хотя, это больше походило на паутину, центр которой таился на правом плече. Там горела призрачным зеленоватым светом печать странной формы. Прикосновение к нитям паутины напомнило Кате чувство, испытанное при прикосновении к тому наркоше, что приставал на днях, пытаясь всучить свой товар. Но было и отличие – от мужчины, идущего сейчас к школе, не исходило ощущения прилипчивой грязи, которое в Тот день ожгло и сподвигло её шагнуть в огонь.

Катя заёрзала за партой, пытаясь заглянуть под самое окно – неведомые гости школы пропали из поля зрения. Марь Ванна, хищной птицей высматривающая беспорядок в классе, мгновенно сделала замечание:

– Екатерина! Не вертитесь на месте, что вы в окно лезете? Полетать захотелось?

По классу прокатился лёгкий шумок – многие прыснули, сдерживая смех. Старая неприязнь училки к Кате постоянно приводила к взрывным конфликтам на уроках, из которых

Катя выходила, как обычно – спокойно и с ровным дыханием. Зато Марь Ванна, бурно жестикулируя и не находя аргументов на убийственно безупречные замечания ученицы постоянно прибегала к последнему средству – выпроваживала её из класса. Выглядя при этом весьма смешно. А Катя и не возражала. Историю она знала на «отлично», несмотря на отношения с учителем – любила, и могла изучать предмет и под окнами школы, в любимой рощице.

– Екатерина! – Марь Ванна желала услышать ответ, хотя и знала, чем это может закончиться. Катя порой думала, что является для учительницы источником необходимых эмоций, как визг тормозов для любителей адреналинового выброса.

– Марианна Иоановна, извините.

Класс замер. В мёртвой тишине пролетел молю осёкшийся вдох исторички. События развивались не по привычному сценарию, совершенно. А Катя улыбнулась и снова принесла извинения.

От учительницы же полыхнуло такой волной смятения и радости, что Катю буквально окатило жаром. И мир расцвёл. Уже в который раз после той ночи.

Раздался звонок. Катя смела вещи в сумку и рванула из аудитории, на ходу прощаясь с одноклассниками и Марь Ванной. Класс, совершенно молча, проводил её взглядами. Похоже, Снежная Королева сегодня шокировала не только историчку. В головах сопартников сейчас изо всех сил кру-

тились шестерёнки, перемалывающие произошедшее.

А Катя упруго шагала к выходу, надеясь поближе увидеть странного незнакомца. Она не понимала, зачем это нужно, но её влекло вперед так сильно, что противостоять подсознательному решению не было никаких сил, да и желания тоже.

Грай внимательно разглядывал школу, стоя перед парадным крыльцом. Парни из сопровождения расположились по бокам, ожидая приказов.

– В общем, так, ребятки. Тихо-мирно пробегитесь по школе, поспрашайте, не было ли чего в последние дни. У кого спрашивать – сами додумайтесь. Дурня не врубать, всё должно быть чинно и благородно. Не дай Бог, услышу потом что-то плохое о нашем визите... Компренде?

Ребята нерешительно кивнули головами. На лицах у некоторых отразилось недоумение, и Грай отложил в памяти их имена – тупы.

Быков он не любил. Да – сильны, да – боевая мощь. Но мощь без разума ничего не значит, порой правильно положенная веточка изменяет бег ручья, который может превратиться в сносящий всё на своём пути селевой поток.

– Всё, ходу.

Бойцы неторопливо двинулись ко входу и один за другим исчезли внутри школы. Грай внутрь не собирался, решив скоротать время обходом территории. В конце концов, здесь была земля их стаи, и стоило оглядеться, раз уж выпала та-

кая оказия.

Школа стояла несколько на отшибе. Затеянная некогда стройка нового квартала в лихие годы перестройки сошла на нет, оставив после себя пару улочек и кучу недостроек. Пара бетонных коробок без крыш, с пустыми глазницами окон стояли недалеко от школы, придавая местности нечто постапокалиптическое. Граффити на стенах лишь усугубляли схожесть.

Грай присмотрелся к одному из зданий. Судя по всему, там нашли пристанище шпана или бомжи, слишком уж местность пестрила тропинками, ведущими к развалинам. Всмотрелся, пытаясь ощутить что-нибудь, но там стояла мёртвая тишина. Решив послать потом в развалины кого-нибудь из мелких, Грай двинулся дальше.

И наткнулся за углом на берёзовую рощу, обсаженную по периметру кустами акации. Берёзы тихо перешёптывались о чём-то своём, покачиваясь под лёгким ветром. И шёпот этот увлекал безвременностью и лёгкостью, приглашая присесть и отдохнуть, отряхнуть тягости и просто вслушаться, отринув спешку и суету.

Грай мотнул головой, сбрасывая накатившее ниоткуда меланхоличное настроение. Что-что, а отдохнуть под деревцем в данный момент – непростительно. Хотя, сама идея привлекала, да.

«Старею», – мелькнуло в голове. – «Уже и с рощицами разговариваю, как друид какой». Он постоял ещё немного и

двинул дальше.

И наткнулся на того, кого никак не ожидал здесь, да и где бы то ни было вообще, увидеть. Ведь прошло столько лет.

– Сергей? – удивление оказалось обоюдным.

Перед ним стоял призрак из прошлого. И Грай не знал, что сейчас ощущает. Радость? Удивление? Смущение? Встреча выбила из колеи, вытряхнув из некогда натянутой шкуры серого хищника.

– Пал Палыч? – голос предательски дрогнул, давным-давно поставленный баритон дал сбой, едва не сорвавшись на юношеский фальцет.

Человек из прошлого – трудовик детдома, Пал Палыч Ерошенко, стоял прямо перед ним. Слегка скособоченный от старой травмы, седой, с лицом, изрезанным глубокими морщинами – он стоял и смотрел Граю в глаза. Пальцы его нервно подрагивали, как будто стремясь ухватить что-то, что помогло бы им заняться привычной работой, оставив мысли голове. А потом Пал Палыч вздохнул, распрямился – и подался вперёд, словно собираясь идти против ветра.

– Сергей, значит. Вот уж не ожидал увидеть. Кого-кого, но не нашу кодлу. Хотя рад, конечно, видеть в здравии. Рад, да. Мужик сделался, солидный.

– Глаза, спрятанные в паутине морщин, цепко шарили по фигуре Сергея. Не пропуская ни одной мелочи. Старой закалки человек, прошедший пацаном послевоенную разруху и блатную жизнь, он всё ещё был в силе и сейчас пытался

что-то решить для себя.

Грай наконец пришёл в себя, и хотел ответить, но Палыч повелительно махнул сухой рукой и снова заговорил:

– Солидный, да... Вот и думается мне, что по адресу я, – голос вдруг резко сменил тональность. – Твоя шпана по школе бродит с дурацкими вопросами? Что глаза отвёл?

Глядя на сжавшего кулаки старика, Грай внезапно ощутил себя тем пацаном, каким был когда-то давно. И Пал Палыч виделся ему тем же жилистым крепким мужичком, к которому всегда можно было заскочить в столярку. С проблемой или с разговором, а то и просто посидеть, вдыхая духмяный аромат свежей стружки. Но, чёрт, это было так давно. До тех событий...

И накатило.

– А и мои, Пал Палыч. – Зло и резко, сам удивившись проскользнувшем ноткам, ответил Грай.

– А чего злишься-то? Задел чем? Так ведь по делу спрашиваю. Сижу себе на вахте, а тут вваливается кодла шпаны тупой, не чета вам в юности, и пытается что-то у меня спросить. Причём, спросить так, чтобы я не обиделся. Получилось у них очень плохо, скажу я тебе. Если б не дети в холле, послал бы куда подальше, да погромче. – Старик вошёл в раж, его голос почти срывался от сдерживаемых эмоций.

– Да, послал бы. Только они разбежались, как тараканы. Пришлось охраны кнопочку нажать – положено так. Да, вот. Положено и точка! Неча детей шугать, да бабулек в раздевал-

ке. А спрашивать уметь надо. А как охрана подскочила, так я по территории решил пройтись, того дурня, что их прислал, найти. Нашёл вот.

Пал Палыч осуждающе глядел на давнего воспитанника. В глазах металась боль и недоумение, но бывший трудовик не выпускал чувств наружу.

– Пал Палыч, тут дело такое... Валерка у нас пропал. А он как раз к вам собирался, в школу заскочить.

– Валерка? К нам собирался, говоришь? А чего это он у нас забыл?

Грай вдруг понял, что Пал Палыч что-то знает. Знает и держит в себе, непонятно зачем, то ли не собираясь делиться информацией совсем, то ли придерживая её для кого-то другого. Возможно, просто обижен. А трудовик продолжил:

– Ну, зачем он к нам собирался-то? А? Что молчишь, паскуда мелкая, я тебя спрашиваю? – Старика вдруг затрясло. – Гнусь свою к нам приволокли, клуба мало? В школу-то зачем? Да не делай ты вид дурацкий, Грай. Да, да, и погоняло твоё знаю, чай не в тундре живу, а в одном с вами городе. И что Кирюха вас в стаю сбил – это я ещё с детдома знаю. Но там я кулаки за вас держал, что по жизни мужиками пойдёте. Пошли, как же. Вона, куда уж дальше.

Палыча согнуло в неожиданном приступе кашля.

Грай, несмотря на идущую от старого человека жёсткую неприязнь, не смог удержаться. И обнял его, придерживая. Ощувив при этом, насколько немощен уже тот, кто помо-

гал когда-то советом и тёплым словом. Так и стоял, обни-мая молча, потому что не мог ничего сказать. Были пустые и ничего не значащие слова, пригодные лишь для того, чтобы уйти от ответа. Но Палыч требовал именно ответ. А врать этому человеку Грай не мог. Не мог и всё. Так они и стояли. Кашель стих и Пал Палыч вывернулся из поддерживающего объятия.

– Ну, что ж ты молчишь-то, – слова падали одно за дру-гим, тяжело и желчно. – Зачем в школу-то? Господи, здесь же обычные дети, сосунки еще.

– Мы тоже детьми были, Палыч. – Сергей не удержался, боль от упрёков вдруг выплеснулась. – Тебе ли напоминать, что с нами сделали? И – кто именно?

– Не мне, Серёж, не мне. Знаю, помню. Не всё, правда, о чём-то лишь догадываюсь, и догадки те не радуют, знаешь ли. Не радуют. Но, если и так, и догадки те правильные – то могу вас как-то понять, пацанов своих. Но вот наркоты в школе – не понимаю! И не приму никогда, покуда жив и при школе этой состою. Увижу ещё кого-нибудь, не посмотрю, что знакомец. Пришибу и ментам сдам. И будет это по понятикам. Потому что это и есть по понятиям, слесарю-слесарево, а детям – детево.

Сергей не знал, смеяться ему сейчас или плакать. Бешеный напор бывшего учителя вгонял в трепет, отдаваясь в душе сочувствием и пониманием. Но, жизнь сложилась так, как сложилась. А ещё он уловил в сказанном то, что Палыч пы-

тался спрятать.

– Ещё кого-нибудь? Так что, Валет здесь был? Тьфу, Валерка то есть.

– Вот-вот, Валет и есть. Дурацкое погоняло себе выбрал, и сам дураком стал, – поняв, что прокололся, трудовик уже не таился. – Нашёл я его наемдни. Сразу не признал, сидит себе в коридоре дурик какой-то и слюни пускает. Потормошил, а он на пол бочком-то и сполз. А из пиджачишки всяческая дрянь посыпалась, как конфетки из автомата. Хотел охрану кликнуть и ментов, да только узнал Валерку-то, – в голосе Пал Палыча вдруг прозвучала глубочайшая грусть. – Да. Валерка... Шпенд был, шпенд и остался.

– И? Что с ним, Палыч? Пожалуйста – что с ним? – скажи!

– А ты не торопи, – прорезалась старая закалка. – Не торопи. Да и не радостно мне всё это рассказывать, забыть уж хотел, да вы тут саранчой налетели. Да. Ты сам-то не ширяешься? – Резко сменил он тему.

– Я? – Грай даже поперхнулся. – Ты в своём уме-то, Палыч? Никто из наших, ни за что. Ни капли в рот...

– Угу, и ни сантиметра в... Гладко говоришь, Серый. Да вот только не верю я тебе. Потому как Валерка ваш нарк конченный. Он там сдыхал лежал, в коридоре. Уж не знаю, как его так придавило вдруг, но картинка мне знакомая, уж поверь, мало я, что ли, в жизни повидал.

– Не верю. Палыч, не может быть. Кирилл убьёт за такое. – Грай ляпнул в сердцах.

– Убьёт говоришь? Ишь, силу какую взял, Кайзер наш. Уже и живота лишает за провинность? А не круто ли берёте, пацаны? – В старике снова вылезла калёная сталь.

– Жизнь такая... – Грай пожал плечами. – А с нас и спрос особый, гвардия должна быть чиста. Но, это всё романтика, Пал Палыч. Что с Валерой-то?

– А что с Валерой, да ничего... Выволок я его с коридора, посмотрел в мутные глазки да и понял, что трындец швартуется. Ну и позвонил кому надо.

– А, кому надо, Палыч?

– Ты не балабонь, Серёж, я кому надо, тому и позвонил. Наши не только в стаи сбиваются, но и в люди выбиваются, знаешь ли.

– Рассказывай. – Грай попросил тихо, без напора, и старик откликнулся тем же.

– Да почитай и конец. Отвёз я Валерку в клинику, там парнишка из наших, доктором работает. По наркоте как раз, вы из людей уродов делаете, а он назад пытается их вернуть. По-тихому, без ментов и балета, уложили в палату, там и валяется сейчас. Утром звонил – никакой наш пацан, глиста глистой. Капают там чего-то, глядишь и выкарабкается. Хотя Севка, врач который, не даёт никаких гарантий.

– Палыч... – горло Граю перехватило. – Ты... ты... – ему безумно захотелось обнять старого гордеца, который пришёл на помощь своему пацану, несмотря ни на что.

– Я, да... Иди к чёрту, Серый. И псов забери. И не говори

мне ничего сейчас. Не ломай меня, да и себя тоже. Другой ты стал. И Кирилл – другой. И вся кодла ваша, что печати носит – тоже. И не спрашивай, как и откуда.

Я всю жизнь детдому отдал, мне там стены шептали обо всём и обо всех. Уходи. И забудь, что я был и есть.

– Палыч... – откуда ни возьмись, скатилась злая слеза. – Не уходи так.

– Не, Серёж, я всё сказал. Уходи, будь человеком, уважь старика. На вот, визитку Севки, скажи, что от меня, ну или детдом вспомни. Только не вздумай нагадить там. И здесь больше не смейте.

Грай стоял, провожая взглядом снова сгорбившегося старика. Палыч уходил, не оборачиваясь, ровным шагом. И вместе с ним навсегда уходила частичка прошлого, в котором Серый был простым пацаном. Кулаки разжались – Грай с удивлением увидел, кровавую отметину на правой ладони. Да, похоже, в течение разговора он держал себя в руках излишне сильно.

Развернулся и широким шагом устремился к парадному. Достал сотик, отдал короткий приказ. Следовало спешить.

Позади так же шумела рощица, напоминая о вневременном и мимолётном.

* * *

Катя выскочила из школы, заметив по пути пришельцев,

похожих на скользких угрей. В отличие от стремительных морских обитателей, гости нерешительно топтались в холле, словно не зная, куда направиться. А может, и вправду не знали – рядом с ними маячила парочка охранников школы, один из которых что-то быстро докладывал в переговорник.

Катю интересовало, что привело странную делегацию в школу. И почему от их главаря шли такие странные ощущения. Это казалось важным. Обострившееся, после недавнего сожжения во сне, восприятие мира подсказывало, что данное событие имеет для неё значение. И не только для неё.

Быстро одевшись, она поспешила на улицу, надеясь вблизи рассмотреть загадочного незнакомца, который, по-видимому, находился где-то вне школы. Но, выскочив во двор – никого не обнаружила. Чёрные джипы стояли напротив входа на территорию, но от машин не шло никаких ощущений, говоря о полной их пустоте. Катя нерешительно остановилась на площадке, не зная, что предпринять. Идти искать вуаленосца казалось глупостью – ну, найдёт она его, и что? Попросит дать руку? Действовать нужно как-то тоньше.

И тут из школы повалили скопом парни из джипов, двигаясь напрямик к машинам, мимо растерявшейся Кати. Один парнишка, совсем ещё молодой, прижимал к уху сотовый и негромко передавал приказы остальным, тут же отвечая на вопросы «коллег».

– Двигаем. Грай сказал шевелиться. Валет нашёлся. Где? А у Грая и спросите, если не ссыкуете, не нашего это ума.

Катя поняла, что их предводитель – какое странное имя, «Грай» – где-то рядом, и тоже должен двигаться сейчас к машинам. Она до предела обострила чувства, и снова зашипела внутри себя испуганной кошкой – Грай появился из-за правого угла школы, от рощицы. Но теперь невидимая печать на плече уже не просто светилась, а пылала злым огнём. А её носитель выглядел грустным и обескураженным. Так выглядит человек, который нашёл что-то очень дорогое для себя, и, при этом, потерял нечто не менее ценное. А потеряв – ожесточился ещё больше, несмотря на радость обретения.

Решение пришло само собой, и Катя метнулась вперёд.

Грай опешил, когда перед ним неожиданно выросла тонкая девичья фигурка. Девчонка с копной рыжих волос и неожиданно синими глазами на тонком лице. Контраст ошарашивал, на мгновение вгоняя мозг в оцепенение. Он медленно отвёл взгляд от её лица и отметил идеальные пропорции развитого тела. А девица тем временем прихватила его за руку и выпалила на одном дыхании:

– Извините, а который час – не подскажете? – Глаза девчонки уставились немигающе, словно желая просверлить дырку в зрачках Грая и увидеть там предмет вопроса. В руке вдруг потеплело, кольнуло острой мимолётной болью. И почему-то всплыло воспоминание о тёплых вечерах в детдоме.

Грай выругался про себя, и задавил эмоцию. Встреча с Палычем выбила из колеи, взбив память о детдомовских време-

нах крепкой пеной, которая сейчас полезла изо всех щелей. А это было не правильно. Воспоминания и печаль об ушедшем уместны лишь в правильном месте и в близком кругу, а не на улице. Да ещё эта девчонка, держит за руку до сих пор, как потеряшка на базаре. «У неё что, сотового нет?» – мелькнула вялая мысль.

– Грай, – окликнули от машины и вялость в мыслях резко пропала.

Он аккуратно извлёк руку из ладони девицы, и поддёрнул рукав. Резким движением вытряхнул массивный браслет часов к ладони. По циферблату деловито бежала секундная стрелка, всё как всегда. Только глаза у девчонки какие-то....

«Чёрт, что я тут, как справочное, растележился...» – выругался мысленно Сергей, приводя себя в порядок. «Торопимся же».

– Четырнадцать тридцать. – Рубанул по-военному, и двинулся к машине. Чувствуя спиной всё тот же вопрошающе-сверлящий взгляд. Что-то в этой девчонке было не так. Что-то знакомое, близкое. И забытое. Что-то, но что?

Катя смотрела вслед удаляющейся массивной фигуре человека, которого звали Граем. Странное имя, странная аура – сплошная загадка. Хватая его за руку, она уже знала, что будет дальше, и ждала этого. Желая разобраться со странностью, которая вблизи впечатляла куда больше. И когда она прикоснулась к нему – словно протёрли запотевшее стекло и всё обрело резкие, чёткие очертания.

Фигуру Грая и вправду окружала тёмно-серая вуаль, похожая на плащ, скреплённый зелёной брошью печати на правом плече. В печати же прорезалось изображение волчьей головы с прижатыми ушами, как если бы он готовился к прыжку. А под плащом она увидела его настоящую ауру – волнующееся море светло-голубого цвета, в котором плавали комки студенистых медуз зелёного оттенка, похожего на цвет печати. И медуз этих было очень много.

Перед Катей текли образы его будущего и прошлого. В прошлом она увидела огонь, свирепо возносящий в небо тысячи искр. И с этими искрами ушло что-то из стоящего перед ней мужчины, тогда просто пацана.

Сгорело, переплавилось в крепкую сталь, опечатанную волчьим оскалом.

Она попыталась заглянуть за огонь, увидеть – что он означал и чем был порождён, но пламя вздымалось слишком высоко. И пылало слишком горячо. Чужое пламя, в отличие от её собственного, обжигало по-настоящему. Она отступилась от прошлого и заглянула в будущее. Но там царил тьма. В неё уходили зелёные нити, разрастающиеся в паутину, а затем – в злое зелёное сияние, которое жгло куда сильнее огня.

А ещё она успела увидеть в том огне, что пылал в его прошлом, отблески образа наркоши, с которого, похоже, начались её приключения. Что-то их связывало, этого наркомана и Грая. Слишком чёткий и яркий образ висел у незнакомца в сознании.

«Брат?» – понимание озадачило. Но, они не могли быть родственниками, слишком разные, слишком. Не текла в их жилах родная кровь. Но вот дух... Может, всё дело в этом? Катя поняла, что нашла зацепку.

А мужчина, несущий имя Грай, вдруг выдернул руку и образы пропали. Незримый серый плащ снова окутал его фигуру.

Она смотрела, как, взыв моторами, кавалькада стартовала от школы. Унося незнакомца. Унося загадку. Оставив маленькую зацепку для её решения. Даже несколько.

Глава 6

Мобильный раскатисто выдал мелодию «Шоу мает гоу он» бессмертного Фредди. Кирилл схватил трубку и нажал на приём – звонил Грай.

– Есть что? – как и утром, он удерживал волнение внутри.

Пусть в кабинете только он один и держать марку не перед кем – Кайзер оставался собой и в одиночестве. Расслабься, и тебя ждёт удел всех расслабленных – пинок под зад и горсть мелочи на дорогу. Нет, такого он себе не позволял. Ведь впереди ещё столько предстоит сделать и построить. Достигнутый статус – лишь площадка для дальнейшего. Рано или поздно, с торговлей наркотой он завяжет, а с собой заберёт самое ценное – людей. Настоящих людей, доказавших свою ценность и – самое главное – преданность стае.

– Так что, Серый, есть инфа?

– Кайзер, всё нормально, всё у меня. Скоро буду, там и обговорим. Лично, ты и я.

– Не понял, – Кирилл повысил было голос, но оборвал себя. – Всё так серьезно?

Он понял, что утреннее состояние уверенности – не обмануло. Как и всегда. И, вероятно, дела настолько хреновы, что марку сейчас приходится держать и Граю. Молодым бойцам не нужно знать о плохом событии, их удел – свято верить в непогрешимость вожака, крепость его защиты и правиль-

ность его решений. Любая несуразица испортит образ, опрокидывая тщательные построения.

– Да, – тихий ровный голос Грая в трубке не успокаивал, а лишь нагнетал.

– Да, всё так. Мы подъезжаем.

– Жду.

Кирилл сбросил соединение, и в сердцах запустил сотовый в дальнюю стену. Постоял пару минут, успокаивая дыхание, и пошёл собирать осколки. Грязь в кабинете босса – не комильфо.

Когда Сергей появился, как всегда – неторопливый и невозмутимый, Кирилл уже успокоился.

Входя, Грай ещё раздавал указания кому-то позади.

– Все свободны. Да, по своим местам, если понадобится – вызову. Всё.

Он закрыл дверь, и в просторном кабинете сразу стало тихо.

Кирилл сидел и ждал, не торопясь задавать вопросы. Зная, что ответы последуют сами.

Грай, хоть и казался неторопливым, никогда не тормозил, и каждое сказанное им слово несло смысловую нагрузку. Вот и сейчас он явно собирался начать то ли разговор, то ли доклад. И – выглядел при этом весьма неуверенно. Кирилл чертыхнулся.

– Ага, только нам чёрта и не хватало, – оказывается, он

выругался в голос, и Грай не преминул воспользоваться обмолвкой. – В общем, дела у нас, Кирилл... Жопа полная, не знаю, с чего и начать.

– Ты с главного начни, Валерку нашёл? Привёз?

– Нашёл... почти. Потому и не привёз, что почти. Короче, дела такие.

Грай замолчал, и Кирилл вдруг понял, что друг и в самом деле неуверен в себе. Видать, что-то хорошо вдарило братишке по мозгам, сумев проломить обычную невозмутимость. И мало, что проломить – ещё и отложиться, царапая сознание.

– Серёж... Ты успокойся, что ли. Чего случилось-то?

– Давай уж, по порядку всё. – Фраза упала тяжёлым кирпичом. Грай, сжав кулаки и поигрывая желваками, продолжил. – В общем, я Пал Палыча встретил.

– Да ну, – радостно было вскинулся Кирилл, но увидел боль в глазах брата. – Что?

– Ничего, Кирилл. Нет больше Палыча, вычеркнул он нас из пацанов своих. Сказал – уходи. По сердцу и по делу сказал. И сам тоже ушёл. Гадство. – Грай ударил кулаком по столу. – Кирь, он нас теперь за людей не считает. И про наркоту в курсе. Сказал – увидит шпану с дозняком – завалит и ментам сдаст. И ведь сдаст, теперь школа для него – дом. А где у него дом, там – сам помнишь...

– Да, где дом – там семья. А семья превыше всего. Помню... – Кайзер умолк, заталкивая воспоминания вглубь. –

Ну и что, испугал тебя Палыч, что ли?

– Кирилл, я за Палыча сам порву кого хочешь. И бодаться с ним я не буду. Да и ты не будешь, если прошлое хоть на каплю помнишь.

– Помню, Серёж. Помню. Только это прошлое в прошлом и осталось. Не должен я никому и ничего. И ты – тоже.

– Но он наш, Кирилл. Наш старик! Ё-мое, что я тебе тут, как малыш нюни пускаю. – Грай выпрямился, и уставился Кириллу в глаза. – Моё слово, Кайзер – я не хочу конфликтов с Палычем. Просто не хочу. Из сентиментальности, да. Но пусть это тебя не волнует. У нас и так нет прошлого, Кир. Сгорело тогда. Так хоть память пусть останется. Хоть какая-то. Хоть самый мизер. Иначе – зачем всё это?

– А ты вспомни, Серый, вспомни – зачем... И что мы обещали, тоже вспомни. Забыл – на руку посмотри, он тебе напомнит.

Они стояли и тяжело дышали, друг напротив друга. Кирилл даже и не заметил, как выскочил из кресла и подлетел к Граю, в порыве хватая себя за правое плечо и отдирая рукав пиджака. А Грай вдруг улыбнулся.

Тяжело и мрачно.

– Я помню, брат. Я помню.

Они ещё постояли мгновение, и тут Грай сказал то, что Кирилл никак не ожидал услышать.

– А Валерка – забыл.

– Как? В смысле?? – Кирилл не мог понять и принять

услышанное.

Валерка, самый младший из семьи, оказался её членом почти случайно.

Но, в жизни случайностей не бывает, все они – продукт закономерности. И клятву он приносил как все, на полном серьёзе, понимая, что это не игра. Услышанное было равносильно известию о предательстве. И объясняло всю развинченность Грая, который так и эманировал жесточайшей неуверенностью и грустью.

– Рассказывай, – тяжело уронил Кирилл. – Чёрт с ним, рассказывай, как есть: что и как.

Грай вздохнул раненым китом, явно не желая продолжать. Но, всё что могло – уже случилось, и теперь оставалось только рассказать о событиях, да обдумать дальнейшее.

– В общем, слушай. Только не перебивай, продержись уж. Валерку обнаружил Палыч, в школе. Ужаленного вхлам, никакущего...

Он быстро, не давая перебивать себя Кириллу, передал весь диалог с Палычем, добавив лишь описание своих ощущений во время разговора.

– Вот. Палыч жестоко обиделся. За всё – и за наркоту в школе, и за то, что пацана просрали. Поэтому и не хочу я его ещё больше обижать. Мы ему должны, вообще-то. По жизни должны.

– Ты адрес взял? – Кайзер потемневшими глазами смотрел на Грая. – Больнички этой, куда Валета упаковали? – И,

получив утвердительный кивок, кивнул на выход. – Поехали.

– Поехали. Брать никого не будем? – Не ожидая ответа, Грай достал ключи от машины и двинул к выходу.

– Ага, возьми всех... Пусть глянут на Старшего, лом ему в зубы.

Вожак стаи уже был на тропе, и от него пахло злостью. Пружинистой, острой злобой, тщательно удерживаемой сильной волей.

Охрана клуба недоумённо провожала джип, рванувший с места в карьер. Всех удивило, что Кайзер и Грай уехали вдвоём, не взяв хотя бы парочку гардов для сопровождения. Это выходило из обычных рамок спокойной и сытой жизни, но, раз уж старший решил так, значит – решил.

Обсуждать решения и их причины – себе дороже, молодёжь убедилась в этом однажды, когда одного из них, слишком умного и, не по годам, страдающего бескостностью языка, выволокли в центр комнаты перед строем и включили воспроизведение записи с микрофонов, которые в клубе стояли повсеместно. И на каждый умный вопрос умнику дали ответ. Чтобы дошло – прямо в голову, раз за разом, крепким кулаком. Глядя на выволакиваемую грудку мяса, что ещё недавно скалила зубы в неумном острячестве и любопытстве – урок поняли все. И вопросов не задавали даже себе, даже в постели, даже и под одеялом.

– Так, куда нам? – Кайзер вбил в навигатор адрес, и на экране тотчас возникла кривая, уходящая далеко в правый угол. – Ничего себе. Дешёвка район.

– А ты чего думал? Что хоспис для нарков в центре разместят? – Управляющий машиной Грай ухмыльнулся криво, представив картину больницы на главном проспекте, и живописные лица пациентов в грязных окнах. – Я вообще не знал, что он существует.

– Так и надобности не было, – тяжело отшутился в ответ Кайзер. – Нам только туда и ходить. «Доктор, спасите меня», – писклявым голосом изобразил он нечто. – «Избавьте меня от зла, спасииите». Чёрт, как представлю, что Валерка там – убить готов. В башке не укладывается. Ты не думал, чистая ситуёвина получается?

– Да вроде чистая. Местечко там – то еще, вокруг развалины, как в Дрездене после бомбёжки. Но, в школе охрана присела серьёзная. И Палыч, а он старый чёрт. Единственное – это то, почему Валет срубился в коридоре. Дурак-то он, конечно – дурак, но не думаю, что не просчитал приход, коли уж подсел.

– Вот и думаю. – Кирилл откинулся в кресле. – Какого чёрта его вообще туда занесло?

– Утром же сказали – девчонку присмотрел.

– Да, какие в школе девчонки-то, он что, совсем съехал? На малолеток потянуло?

– Ты знаешь... – Грай усмехнулся, вспомнив момент пе-

ред отъездом, кольнувшее прикосновение, глубокую синь глаз... – Там такие экземпляры, что ого-го. Будь я помоложе...

– Да, только этого и не хватало, Серый – и в школе фестивали водит, с выпускницами. Давай, брат. Давай, ага. Палыч тебе свечку там подержит.

– Палыч мне её скорей вставит туда, куда не надо. – Грай засмеялся.

Они несли чушь, подначивая друг друга, словно пацаны. И от этой болтовни становилось чуточку легче, как если бы они сейчас ехали на пикник, а не в больницу, где загибался их братишка. Прохожие видели в пролетающем мимо джипе двух успешных мужиков, весело рассказывающих что-то друг другу, и ничего больше.

До места доехали быстро. Навигатор попискивал, подсказывая повороты, но Грай вёл машину уверенно, не косясь на монитор. Давным-давно он изучил все улочки-переулочки города, в котором предстояло существовать некоторое, совершенно неопределённое время. Волк обязан знать свои уголья. А умный волк – знать и чужие.

Кирилл и Сергей молча разглядывали старое двухэтажное здание, притулившееся к своим более высоким собратьям. Улочка уходила куда-то вглубь квартала, и не имела ничего, что могло порадовать взор прохожего, да и человек в здравом уме просто не пошёл бы туда. Окраина города имела не

очень здоровую репутацию района, где могут запросто ограбить, изнасиловать, оставить без машины. Что из этого было правдой – братьев не интересовало, нисколько.

Они сами могли сделать всё приписываемое неведомым местным злодеям. Когда-то в прошлом, да – могли. Хотя, до изнасилований никогда не опускались, считая полным отстоем и просто неправильным действием, в результате которого и появляются брошенные матерями, и всеми остальными, дети. А кому, как не им, знать все тяготы детдомовской жизни. Пару раз случалось даже вытаскивать из подворотен кучу-малу, из которой нёсся истошный женский крик о помощи. Насильников учили жестоко, усиленно выбивая дурь из причинного места, добавляя ума тем же способом.

С детдомовскими мало кто рисковал связываться, даже трижды крутые. Все знали, что даже за тщедушным пацаном стоит детдом, полный таких же пацанов с сорванной крышей.

– М-да, – Кирилл присвистнул. – Я конечно всё понимаю, но такое убожество не ожидал увидеть.

Старый дом поражал взор тремя вещами. Первая – что он вообще существовал, стоял каким-то неведомым науке образом. Вторая – в него и из него постоянно кто-то входил и выходил, невзирая на состояние стен, с которых свисали лохмы старой штукатурки, обнажающих слои дранки. Третья – в окна этого безобразия висели на удивление белоснежные занавески, а на подоконниках стояли горшки с цветами.

В общем, дом являл собой ожившую мечту сюрреалиста.

– Ну что, звони. – Кирилл кивнул на здание больницы. – Вызывай доктора, да вперед, сам я что-то пугаюсь туда входить.

– Да, счас брякну.

Грай быстро набрал номер с визитки, полученной от Палыча. Гудок шёл за гудком, тягуче отмеривая секунды. Наконец, на том конце щёлкнуло.

– Всеволод? – Доктора звали именно так. – Это от Пал Палыча, он мне ваш номер дал. Я по поводу Валерия, ну да, того самого, что Палыч к вам определил. Да, это мой брат. Нет, не родной. Просто брат, понимаете.

Кайзер напряженно наблюдал за лицом Сергея, что-то слушающего сейчас в трубке. Жестом попросил сотовый, прислушался к неторопливому говорку врача, рассказывающего что-то про невозможность и неуместность визита. А потом заговорил сам.

– Приветствую. Всеволод? Да? Хорошо. В общем, Сев, я ссориться не хочу. Кайзер меня кличут, ты ведь тоже с пятерки, коли Палыч не обманул? Вот и хорошо. Да, Кирилл. Да. Слышал, значит. Вот и отлично, мы заходим, уж встретить нас по-доброму.

Грай усмехнулся, Кайзер снова показал класс, щёлкая проблемы в свойственной только ему манере. Два-три слова, особые интонации, и его собеседник уже думал, как решить

возникшую незадачу. Голая незамутнённая сила – и мгновенный результат.

– Идём?

– Конечно.

Внутри больница разительно отличалась оттого, что представлялось взору прохожих снаружи. Пусть и не евро, но всё-таки ремонт, причём недавний. Стены ещё не утратили тот оттенок, что присущ только свежей побелке. Широкий коридор, небольшая стойка на входе, миловидная молодая девушка, деловито настукивающая что-то на клавиатуре.

Возле стойки их ожидал крепкого телосложения мужчина в белом халате. Кайзер отметил идеальную выглажку одежды, лёгкий носовой платок в нагрудном кармане, перо «Паркер» в другом – врач явно старался быть денди. А может и был им.

– Всеволод? – Кайзер протянул ладонь, и, когда врач согласно кивнул и ответил крепким рукопожатием, представился сам. – Кайзз... Кирилл. А это Сергей.

Грай внимательно наблюдал за лицом врача – тот оставался невозмутимым, хотя пальцы всё-таки нервно выстукивали что-то редкой дробью. Серые глаза на широкоскулом лице спокойно переходили с Грая на Кайзера, не тая, что Всеволод оценивает визитёров. Он знал о них, это ясно, но что именно? В детдоме о стае Кайзера остались разные истории, и они с каждым годом обрастали разными подробностями. И не все они отличались добротой.

– Ну, что ж. Пал Палыч сказал, что дал мой телефон. Да, я созвонился, – доктор усмехнулся. – Сами понимаете, контингент у нас тот еще. Не всем показано общение с внешним миром. Да и у вас, репутация...

– Сев, вопросы репутации мы можем потом обсудить, захочешь – в красках расскажем. А сейчас – давай о Валере. И так уж времени Бог знает сколько ушло.

– Не беспокойтесь о времени, Кирилл. – Врач дёрнул плечом. – Ваш брат сейчас в таком состоянии, что неизвестно, сколько времени понадобится вообще.

– Для чего? – Кайзер непонимающе уставился доктору в глаза.

– Для того, чтобы суметь вернуться к жизни. Если хотите, можете пройти к нему. Он в отдельной палате, Палыч настоял. Там и поймёте всё.

Они двинулись по коридору, мимо лестницы на второй этаж, куда-то совсем в дальний конец. Шагая, Грай рассматривал окружающее. Широкий коридор и закрытые двери, мутные плафоны на стенах и потолке, запах – всё это напоминало детдом. Мелочами, известными лишь тем, кто жил на казённых харчах.

– Да, – Всеволод словно подслушал мысли. – Тут всё похоже на наш дом. Раньше, год назад, походило ещё больше. Пока мы не сделали ремонт. Запах. Этот запах – самое чертовски трудное дело. Не поверите, мы выскабливали эти стены и полы щётками, как – помните? Я думаю, помните.

В памяти сразу всплыло – полутёмный коридор, пацаны на корточках, шоркающие половицы жёсткими щётками, намыленным хозяйским мылом. Этот запах был везде. Запах чистоты и мыла. Он долго ещё вспоминался после выхода из стен детдома. Каждый раз, видя обмылок коричневого цвета где-нибудь в общественном сортире – на память приходил и звук – «ширк, ширк», половица за половицей, метр за метром.

Грай мотнул головой, отгоняя наваждение.

– А почему вы-то драили, я не понял? – Кайзер перевёл разговор на менее близкую тему. – Не могли фронт работы указать работягам?

– Каким работягам, Кирилл? – Всеволод обернулся на ходу. – Не было никаких работяг, сами всё делали. Больница муниципальная, и ремонтировать её никто не собирается.

– Так уж и никто?

– А кому она нужна? Здесь кто? Наркоманы... отбросы, по всеобщему мнению. А зачем отбросам белокаменные палаты, им и помойка сойдёт. – В голосе слышались горечь и усталость.

– А кто они, если не отбросы? – Жёстко и напористо выплюнул Кайзер. – Им что, дозу силком забивали? Или они не знали? Думали, это конфетка такая?

Всеволод резко остановился и развернулся.

– Вы, вы... Из-за вас и таких, как вы, наркоманы и появляются. Сегодня даром, как конфетку, правильно сказали, а

потом... потом – гони монету за удовольствие.

– Нет, Сева, ты что-то попутал. Свинья везде грязь найдёт. И не сверкай глазами. Мы через такую грязь прошли – как и ты, впрочем – что никаким свиньям не снилась. Но мы с тобой – здесь, а они – в палатах твоих. Не стоит мне говорить о морали и нравственности. Мораль – для слабых. А я – сильный. И Грай – сильный. И ты, я думаю – тоже сильный.

– А Валет? – Всеволод нервно щёлкнул суставами пальцев. – Валет – сильный?

– Валет – дурак. А почему он дураком сделался – разберёмся. Поверь. На то мы и братья, Сев.

Всеволод махнул рукой, и, не желая продолжать разговор, двинулся дальше. Грай поравнялся с Кириллом и ткнул в бок, привлекая внимание.

– Ты чего завёлся, Кирилл? Ты что ему мозг полощешь?

– Блин, да не удержался. Атмосфера здесь... Как представлю, что за каждой дверью мудаки обдолбанные лежат, так рычать охота.

– Кирь, они здесь лечатся. Ты чего завёлся, я тебя спрашиваю?

– Детдом вспомнил. Сам-то, волком зыркаешь, даром, что на стены не кидаешься.

Они замолчали. Шедший впереди Всеволод слышал их разговор, это ощущалось по напрягшимся плечам. Но – молчал, неторопливо шагая мимо дверей палат. И, наконец, остановился перед одной из последних.

Глава 7

Придя домой Катя пообедала. Мать сегодня приготовила расчудесную запеканку, как всегда вложив в готовку любовь к дочери и мужу. Так было всегда и изменению не подлежало, что бы ни случилось.

Произошедшее с Катей затронуло все сферы её взаимоотношений с миром и близкими. Но, она пока ещё только разбиралась с собой и с тем, что принесло новое понимание. Выстраивать новые отношения, на более открытых началах – слегка пугало. И – хотелось. Но, это не горело. Ведь она ещё не полностью разобралась в себе, новой.

Катя прокручивала каждый миг увиденных снов, таких разных, но важных, каждый по-своему. Первый – принёс новый мир. Второй – показал нечто в этом мире, что предстояло обязательно осмыслить и разобраться в цели его появления. Если огненный сон изменил её отношение к жизни и внутреннему Я, то второй пока не затронул вообще никак, за исключением порождённого интереса.

И сегодня она получила ещё одну, а может и не одну, загадку. Со слабыми намётками для поиска ключей для разгадки.

Катя достала из холодильника коробку с соком и отправилась к себе в комнату. Задания на завтра не требовали много времени для выполнения, что позволяло отложить их на

вечер, или вообще на утро и путь в школу.

Читала она быстро, усваивала информацию намертво, да и ничего нового в материале для изучения явно не имелось. Так, пробежать глазами, ознакомившись со взглядом авторов учебника на вопрос дня.

Катя давно поняла, что учебники тоже пишут обыкновенные люди, такие же, как и преподаватели в школе, как родители, как соседи. Да, учёными, но всё же людьми, со всеми вытекающими. Где-то личные амбиции, где-то недостаток натуральных изучений, что-нибудь ещё того же плана – и в результате учебное пособие становилось сборником не научной информации, а какой-то околонаучной публицистики, изданной вопреки здравому смыслу и всему прочему. И, попав в учебный план, эти «учебники» становились обязательными для запоминания и изучения. А она не любила изучать искажённые факты, и, уж тем более, оперировать ими. Оттого и возникали конфликты на уроках, что она всегда имела личный взгляд, подкреплённый множеством фактов. Изучая Древний Рим или разведение кукурузы, неважно что – она лезла на сайты, как русского, так и англоязычного сектора, посещала библиотеки, в общем – не ограничивалась подачей очередного составителя учебника, которого заботила лишь фамилия в строке «составитель».

Отложив сумку с учебниками в сторону, Катя присела на кровать и задумалась. Она сейчас выстраивала факты и события, пытаясь собрать их воедино, в какую-то связанную

цепь. Возможно, мысль о взаимосвязанности вообще не имеет смысла, а возможно – единственно правильная.

Она достала лист из принтера, карандаш, и нерешительно нарисовала кружок вверху. Катя решила идти простым путем, нарисовав линейную схему событий. Так часто делал отец, рассказывая дочери о чём-то сложном, таящем в себе множество взаимосвязанных деталей и фактов.

Итак, кружок вверху. Что же в него вписать? Катя напряжённо думала, решая сейчас, что именно сделать отправной точкой, и, наконец, вписала – «Пламя». Сны – они всегда были с ней. И пламя в них – тоже. Всё началось в огненном сне. Давным-давно, в глубоком детстве.

Что дальше? Да. А дальше...

Катя вспоминала сейчас встречу с неприятным типом, торгующим наркотой. Да, это был следующий кружок. Итак – «Пушер». Именно встреча с ним стала тем толчком, что толкнул её в объятия пламенного демона во сне. Она нарисовала кружок и уже хотела вписать туда «Сон», но что-то подсказало ей неправильность действия. Подсознание явно говорило о пропуске в размышлении.

Катя снова вернулась к сцене с пушером. Прошла её шаг за шагом, минута за минутой, снова переживая грязь прикосновений. И поняла, какой сделала пропуск. Ведь она не только встретила наркомана, событие содержало в себе и принятое решение о вмешательстве в сознание и внутреннее Я этого негодяйчика. Возможно, уйди она просто так – ничего бы

не случилось.

«Я его изменила» – вписала она в кружок, и поняла – это правильная отметка в строящейся цепочке. Именно это решение о вторжении в чужую личность, неважно, что из лучших побуждений, сделало возможным и необходимым следующий шаг.

«Я сгорела» – огонь позвал, и она вошла, сгорев и воскреснув тысячи раз. Переломная точка, благодаря которой Катя изменилась. Событие, которое избавило её от одиночества и наградило принятием мира. Но ведь...

Катя нахмурилась. В схеме снова зиял пропуск – ведь огонь позвал её до встречи с наркодиллером. Буквально за день, но, как ни крути – загодя.

Она вписала ещё один кружочек между «Пламя» и «Пушер». И вписала туда «Огонь позвал».

Теперь всё стало правильно. И сразу стало понятно, что переломная точка – не одна.

Огонь предложил ей себя ещё до встречи с пушером. Что-то где-то щёлкнуло, и пламя заговорило с ней, предлагая стать очищенной. А встреча и принятое тогда решение помогли, внеся свою лепту.

Катя поставила знак вопроса рядом с кружком «Огонь позвал». И соединила его с тут же начертанным восклицательным знаком рядом с «Я сгорела». Да, она сгорела во сне, очистившись от наросшего за годы жизни льда неприятия окружающих, и это было ответом на вопрос о приглашении. Но

– кто и почему задал ей этот вопрос, она пока не знала.

А дальше, что же дальше...

Дальше – пришёл новый сон. О паре с малышом. Катя нарисовала кружок и вписала туда «Виссарион». Она знала, что эта точка в линии происходящего с ней должна называться именно так. Ведь сон был именно о малыше, просто он ещё только начался.

Дальше – незнакомец в школе. Станный, таинственный. «Волк». Не задумываясь даже, она вписала слово в новый кружок в цепи размышлений. Ведь незнакомец носил на себе печать волка. А в себе – образ пушера. Катя нарисовала вопросительные знаки рядом с кружками волка и пушера, соединив их линией. Ответ на вопросы пока отсутствовал – обе фигуры что-то связывало, очень сильное, сродни братским узам, но что именно...

За фигурой волка, в прошлом, стоял огонь. Катя нарисовала ещё один вопрос, обравив его изображением языка пламени.

Катя рассматривала свою схемку. Получилось исчерканное линиями и значками нечто. Она подумала, и взяла новый листок, на который стала перерисовывать получившуюся схему, попутно обдумывая каждый пункт.

И уже переписывая, внесла изменения, выделив событие «Виссарион» в дополнительную, параллельную основной линии. Ведь сон о летящей куда-то машине ещё не закончен, и возможно тоже является ответом на вопрос о том, кто же

всё-таки пригласил её в огонь. Вопрос и восклицательный знак, ещё одна линия к «Сгори». И отходящая от Виссариона линия вниз. К пустому пока кружку. Катя надеялась, что сон о малыше и его родителях вернётся, совсем скоро.

Вот и всё, вроде все вопросы расставлены, все линии обозначены. Все ли? Катя поняла, что напрашивается и ещё один вопрос – «Что стало с пушером дальше?», ведь появление Волка в школе явно связано с этим вопросом.

Вздохнула, и отвела от кружка «Пушер» ещё одну параллельную линию вниз.

На листе перед ней горели три линии, ведущие в неизвестность. И оттуда же пришла линия, начинающая схему.

Возможно, пройдя все линии и найдя конец каждой из них – она найдёт и начало.

Да, возможно. Но – нужно ли ей это? Катя постепенно осознавала, что перед ней открывается огромное поле вероятностей и случайностей, искать ответ среди которых – практически нереально. Пусть она трижды умна и всесторонне развита – справиться с расследованием будет непросто. Да, она имела зацепки, каждый значимый пункт на бумаге выглядел простым и понятным, но в жизни...

Как найти теперь носителя волчьей отметины, как узнать о дальнейшей судьбе пушера? Вернётся ли странный сон. Вообще – что и как будет завтра? Послезавтра? Да даже через минуту?

Вопросы множились и наполняли сознание, выстраивая

плотную стену неуверенности. Кружа вокруг неосязаемым серым пеплом, проникающим между мыслей и цементирующим их в вязкую массу.

Катя встряхнулась, разгоняя неуверенность. И, взглянув ещё раз на листочек, приняла решение, окончательно и бесповоротно: она найдёт ответы на все вопросы. Или – ответы сами придут к ней, не сумев избежать предназначенного.

Навалилась усталость. Бешеная работа сознания и подсознания в последние дни дала о себе знать – тело и мозг требовали отдыха.

Катя поправила покрывало и свернулась на кровати котёнком. И даже не поворочавшись, по обыкновению, в поиске самого удобного положения тела – уснула.

Уже знакомый, сон не замедлил появиться, словно только и ждал своего персонального зрителя.

Глава 8

Всё тот же сон.

Машина неслась вперёд...

Маленький ребёнок на заднем сиденье всё так же посапывал сладко, находясь под защитой Морфея. Мария держала его за руку и думала, что их ожидает впереди и совершится ли обещанное чудо. Не солгала ли старая женщина, не посмеялась ли над ними в очередной раз бессердечная жизнь, так любящая дурные шутки.

Мария сидела и молча, плакала в коридоре, после очередного невнятного вердикта медиков, не могущего ничем помочь малышу. Бабулька участливо присела рядом, и как-то незаметно, слово за словом, быстро и ненавязчиво, оказалась в курсе всех проблем матери и её сынишки. Участливо погладила вьющиеся волоски ребёнка, заглянула ему в глаза и тихо посоветовала Марии:

– К бабке тебе надо, касатушка.

– К какой такой бабке, о чём вы? – Мария не поняла сначала, о чём ей говорит далеко не молодая женщина, которая оказалась, вдруг, невероятно близкой и тёплой, и согревала теперь неведомой надеждой.

– Да к бабке же, в деревню. Есть тут под городом одна, что с силой знается. Может и поможет, а может, и нет. Но ведь,

что ты теряешь?

Ничего. А малютка у тебя хорошенький, ему жить да жить. Может, порча, на нём какая.

Мария смотрела на старушку и не понимала. Её лихорадило – мысли метались, обретя вдруг новое направление и горизонты. Она, как нормальный образованный человек знала и об экстрасенсах, и о различного рода ведуньях – но не верила в них. Почему-то у неё сложилось такое отношение давным-давно, и с возрастом оно лишь усугублялось различного рода мелочами, будь то неожиданно расцветшие гадальные салоны или телевизионные проекты. Все эти «чудеса» походили на шоу, и верить в них мог только недалёкий человек. Но незнакомая старушка почему-то вызывала доверие, сумев обогреть настоящим, душевным теплом. Мария посмотрела в выцветшие от возраста глаза, обрамлённые множеством морщинок, и, решившись, спросила:

– А она, правда – может помочь? – Слово «бабка» почему-то не выговаривалось, словно Мария внутренне ещё не была готова, и безликое «она» казалось единственно правильным.

– Пелагея-то? Так я ж не знаю, девонька. Но, коли сможет, то поможет. Планида у ней такая – людям помогать. А уж детишкам – и подавно.

Почему-то, это вот «Пелагея» окончательно успокоило Марию. Если бы она услышала какое-нибудь «Эльвира» или «Кармен», то точно бы отказалась, рассмеявшись, зло и разо-

чарованно. Но это русское имя, почему-то, напомнило напев колыбельной, что когда-то пела ей мать, и не вызывало в душе ни капли отторжения.

Они долго ещё разговаривали. Бабулька рассказала, как добраться до неведомой Пелагеи, и как себя вести по приезду. Мелочи, вроде бы и незначительные, но безумно важные. Поблагодарив добрую женщину, Мария ушла в тот день домой с новой надеждой.

Дома Игорь оторопело выслушал несколько сбивчивый рассказ жены, отдающий по своему содержанию лёгкой сказкой. Но спорить не стал.

Глаза жены, привычно усталые от постоянной внутренней боли, ожили.

Как если бы на старой гитаре натянули струны, и она снова зазвучала – как встарь, выдавая огненное фламенко. И не желая потерять возрождённую мелодию, Игорь молча обнял жену и поклялся внутренне, что, если поездка окажется фарсом, то он непременно найдёт эту старушенцию и вывернет её лживый язык.

– Через пятьсот метров поворот направо. – Бесстрастный голос навигатора прозвучал буднично и вывел его из задумчивости.

Игорь прокрутил дисплей навигатора, оценивая дальнейший путь.

Осталось совсем чуть-чуть, по полям до поселка. И где-то там, на окраине, жила загадочная Пелагея.

Мария тоже встрепелулась, выходя из птичьего состояния, и стала осматриваться по сторонам, словно от её требовательного взгляда заветный дом должен был выступить прямо здесь и сейчас, как пресловутый лист перед травой.

Свернув, они потряслись по просёлку ещё пару километров, и въехали в деревню, или посёлок, по-официальному.

Деревня являла собой унылое зрелище, вдоль дороги стояли старые небольшие дома, с посеревшими покосившимися стенами и ржавыми крышами. Серые занавески в окнах, останки старой техники у заборов. Спящие на обочинах собаки довершали картину всеобщего запустения.

Но, всё таки, кое-где виднелись подворья в которых ощущалось присутствие крепких хозяев – они выделялись и размерами построек и их новизной. В паре мест даже виднелись диски спутниковых антенн.

Игорь не спеша ехал по улочкам, подшучивая над Марией, пытаясь таким образом сбросить всё возрастающее волнение.

Картина за окнами машины нисколько не настраивала на радужный лад, наоборот – ввергала в недоумение – «А что мы здесь делаем?».

Поглядывая в зеркало заднего вида, он видел, как на лице жены начинают проскальзывать похожие мысли. И гнал их, выдавливая из себя шутки-прибаутки.

Улица кончилась как-то внезапно. Они ехали по деревне, ехали, ехали – и вдруг упёрлись в лес, съевший конец дороги.

Сбоку стоял тот самый дом, к которому они и стремились.

Странно, но дом Пелагеи оказался совершенно неприметным. Ни старым, ни новым, а каким-то безвозрастным. Таким, на котором взгляд не задерживается, а скользит дальше по стене леса, отмечая лишь, что ничего выдающегося для обдумывания и оценивания в увиденном нет. Серые, давно не крашеные брёвна стен, двускатная крыша, небольшая дверь сбоку от резных ворот, опять же – некрашеных. Неброские, еле виднеющиеся сквозь стёкла окон, занавески. Дом стоял так, что оценить его размеры совершенно не получалось – крытый двор съедал перспективу и задний план не просматривался.

Игорь вышел из машины и ещё раз попытался оценить размеры хозяйства – ничего не получилось. «Интересный домик» – усмехнулся он про себя.

Но, они приехали не за этим. Открыв заднюю дверь, он помог жене выйти наружу, приняв бережно сына на руки. А Мария быстро приводила себя в порядок и пыталась расходить затёкшие ноги. Попутно набираясь храбрости перед предстоящим.

А Висс вдруг протянул руку к дому и смешно протянул: «Бу-уу-у-у», звонко рассмеявшись после этого. И смех мгновенно успокоил натянутые нервы его родителей.

Они подошли к дверце, и Игорь понял, что доски воротин на самом деле – крашеные, просто краска отличалась от привычной, бесцветная и прозрачная, она покрывала доски,

не пряча узор и структуру древесины.

Что ж, вот и настал тот самый момент. Неосознанно задержав дыхание, он подёргал за шнурок, который свисал сверху воротины и уходил куда-то вглубь двора. И где-то далеко, словно на другом конце деревни, раздался приглушённый звонок колокольчика, такого, с каким бегают первоклашка на последнем звонке в школе.

Еле дыша, слушая всё нарастающий гром сердцебиения, они стояли и ждали. А сын улыбался и довольно пускал пузыри, протягивая руки к шнурку звонка.

Игорь, по непонятно откуда взявшемуся наитию, поднял сына повыше и поднёс к воротам. И Виссарион, будто умел это всегда, ухватил плетёный хвостик звонка и дёрнул.

В ответ слышались шаги. Пошаркивающие звуки приближались из глубины двора, не спеша, но и без задержек. Приближались, приближались. И вдруг дверь распахнулась, без скрипа и натуги – просто отошла куда-то вбок и внутрь двора. Перед ними предстала хозяйка дома.

«А может и не хозяйка» – подумал Игорь, пытаясь определить возраст женщины. Он подспудно ожидал, что Пелагея должна быть древней старушкой, похожей на Бабу Ягу из старых фильмов Роу. Но всё было не так.

Пелагея не имела возраста, как и её дом. Крепкая статная женщина за шестьдесят, или – за пятьдесят. А может – и за восемьдесят. С тяжёлым венцом закрученной на макушке косы, она являла собой породу женщин, воспетых старыми

советскими фильмами – с суровым лицом и крепкими руками. И с бездонной теплотой в глазах небесного цвета. Руки она держала сложенными на животе, ладонь к ладони. Платье из плотной ткани неброской расцветки, серая шаль на плечах – типичная сельчанка в возрасте.

– Здравствуйте, что ли, гости. – Голос хозяйки оказался сочным и глубоким, подобно тугому потоку воды под крутым яром. От него веяло такой силой, что Игорь слегка опешил. Как и жена.

И снова обстановку разрядил сынишка, весело закричав и восторженно замахав руками, чем вызвал лёгкую улыбку у женщины.

– Мы... мы, – голос Марии рваной бумагой выталкивался из груди. Она кашлянула, вздохнула крепко и попробовала ещё раз. – Мы к вам, Пелагея. Вот, сына привезли, беда у нас.

– Беда? – Хозяйка дома, словно не слышала горя в голосе Марии и спокойно разглядывала гостей. – Беда, говорите... Кто прислал? – вдруг резко и властно спросила она. И глаза вдруг сделались строгими, как грозные очи на иконе богоматери, перед которой Мария зажгла свечи перед поездкой.

– Да старушка-добродушка, повстречались в доме больничном. – Мария сказала то, что должна была сказать, накрепко запомнив напутствия больничной незнакомки.

– Вот как, – в голосе Пелагеи прорезалось удивление. – Чем же ты её так при... – она оборвала себя на полуслове. – Входите, коли приехали. А беду за воротами оставьте, не по

пути нам с ней, – усмехнулась она. – Давайте, давайте, не стойте столбом.

Она провела их в дом через чистый просторный двор, из которого было несколько ходов. Куда они вели – Игорь так и не понял. Видимо, в огород, а может и в стайки, он не был силён в деревенском укладе.

А в доме царила чистота. Вот чего-чего, а такой рафинированной чистоты Игорь не ожидал увидеть вообще. Сам воспитанный в почитании к порядку, тут он оказался не готовым, стереотипы подвели.

Высокий потолок, рассекаемый балками перекрытия, белейшие стены, с картинами и чёрно-белыми фотографиями, широкие подоконники и лавки под ними, круглый стол в центре комнаты – всё несло на себе следы постоянного ухода. А напрашивающейся по ситуации паутины в углах – как и закопчённых стен – так и не нашлось.

Игорь разулся, поозирался, и направленный кивком хозяйки отправился к лавке, где и уселся.

Мария несмело вышла к столу, не зная, куда себя деть. А Пелагея продолжала разглядывать её, то ли решая нечто важное для себя, то ли – выискивая в госте что-то скрытое.

– Мария, значитесь? – полувопрос-полуутверждение прозвучал негромко и задумчиво, хозяйка, наконец, приняла решение. – Ну, распелёнывай ребенка-то.

– А вы откуда...? – Мария растерянно замолчала, ведь старушка в больнице посоветовала не задавать глупых вопросов

и принимать всё, как должное.

– Я сейчас, сейчас я... – забормотала она, ища глазами, куда пристроить сына и одежду.

– Ты не суетись, касатушка, – знакомое слово подбодрило Марию. – Прямо на столе и располагай, я мальчонке сейчас подстелю, не переживай.

Пелагея выдвинула откуда-то огромный ящик. Достала из него белое махровое полотенце, размером с банное полотенце, и расстелила его на столе.

– Вот, сюда и клади. Авось не замёрзнет. – Скупно улыбнулась она Марии.

Виссарион лежал на завитушках материи, белый цвет которой странно контрастировал с его волосами, словно на снегу выметнулись колосья ржи. Глаза цепко уставились на хозяйку, и Виссарион что-то залопотал. Подёргивая руками и ногами, как все дети, он что то быстро курлыкал, и говорок этот лился бесконечным весенним ручьём. И завершился смехом.

Маленький ребёнок лежал на чистом белом и смеялся чистейшим смехом счастливого существа...

Глава 9

Лежащее на узкой кровати тело принадлежало кому угодно, но только не их брату. Измождённое лицо со впалыми щёками и обвисшими веками, спутанные сальные волосы, бледная кожа – этот человек нисколько не походил на Валерку.

Кирилл и Сергей, молча, смотрели на представшее их глазам нечто. Под лёгким покрывалом виднелось худое до невозможности тело с выпирающими наружу торосами мослов. Больше всего это напоминало только что родившегося жеребёнка, абсолютно беспомощного и нисколько не похожего на породивших его гордых скакунов. Но только не безбашенного младшего братца.

Кирилл сглотнул, и подошёл к кровати. Обернулся на врача и вопрошающе мотнул головой, задавая безмолвный вопрос.

– Да, можете с ним поговорить, можете за руку подержать. Ему сейчас всё равно, абсолютно не коммуникабелен. Находится где-то не здесь, и совершенно не осознает происходящего.

– Он выкарабкается? – каркающим голосом прохрипел Кирилл, и закашлялся, прогоняя комок из горла.

– Мы надеемся. – Всеволод с достоинством встретил бешеный напор почерневшего взгляда Кайзера. – Делаем всё,

что можем. И не смотрите вы на меня волком, я делаю то, что в наших силах, даже невозможное.

– Но как? Пару дней назад он кипел жизнью, а тут... – Кирилл махнул в сторону кровати. – Это не он, понимаешь? Как? Объясни мне, как такое возможно...

Доктор встряхнул руками, словно стгоняя невидимых мурашек. Посмотрел на тело, вытянувшееся безвольно под простынёй. И с неохотой ответил:

– Как вам сказать... тут что-то необычное. Палыч привёз его в полной отключке, с признаками классической ломки. Обычно мы даём лёгкий заменитель, чтобы организм не рассыпался, не впадал в неуправляемый полёт. Причём, повторяю – он находился в полной отключке. Но стоило нам только поднести иглу – его начинало корёжить, как эпилептика.

Видели фильм «Экзорцист»? Тут точно такая же картина – словно демон вселился. И реагирует на любую попытку дать хозяину что-то из наркотиков или их заменителей. Вот и приходится нам обходиться обычными пероральными стимуляторами и витаминами.

Братья смотрели на врача, не понимая сказанного. В привычную устоявшуюся жизнь, пусть и весьма своеобразную, ворвалось нечто непонятное. Такое, что не укладывалось в рамки и рвало ткань реальности, ввергая в фантазмагорию какой-то непонятной сказки.

– Какие демоны, эскулап? – Чернота из глаз Кайзера грозила пролиться натуральным овеществлённым потоком.

Грайд ощущал злую силу, бьющуюся сейчас в жоаке. Давно знакомую, чей выход грозил большим бардаком. Нет, как бы ни жалила их в этот момент душевная боль, позволить Кайзеру воззвать к собственным демонам Грайд не мог. В конце концов, парнишка в докторском халате, что стоял перед ними и изображал умудрённого жизнью мэна, на самом деле всего лишь недавно вставший на крыло птенец. Но отдавал свою молодую жизнь на поддержание чужой. Даже такой бесполезной, как полу-жизнь наркомана. Это заслуживало капли уважения.

Да и то, что Валерка жив, вполне могло являться заслугой как раз этого мальчишки и его коллег.

– Кирилл. – Грайд придавил плечо Кайзера раскрытой ладонью. – Брат... Остынь.

Кайзер сбросил руку, но плечи ощутимо расслабились – волк уже не прыгнет. Щетинящий загрибок зверь поутих, притаившись и наблюдая.

А лежащий на кровати Валет вдруг хихикнул, дёрнувшись под одеялом. Хихикнул так, как смеётся ребёнок, нашедший интересную игрушку. Иссохшее лицо вдруг раскололось улыбкой, которая, впрочем, быстро пропала. Но – успела согреть надеждой всех находящихся в палате.

Всеволод подскочил к кровати и схватил Валеру за руку, внимательно всматриваясь в лицо.

– Что? – Кайзер с Граем тоже подбежали к кровати, но не

могли приблизиться вплотную из-за раскорячившегося над телом пациента доктора.

– Сон. Приятный, судя по всему. Это хороший признак. До этого он вообще лежал полено поленом, уж простите. Что-то ему снится сейчас, видите – глаза бегают под веками? Хороший, хороший признак!

Грайд смотрел на возбуждённого врача, который буквально фонтанировал радостью. Такая малость – сон, а как много означает. И радость доктора подчёркивала всё сказанное раньше, подтверждая искренность и честность.

Кирилл, похоже, тоже пришёл к такому же мнению. Посмотрев на доктора, он явно расслабился, и превратился в обычного человека, пришедшего навестить больного брата.

– Можно? – он кивнул на тело под простыней.

– Что? А, конечно же, можно, простите... – отпустив руку Валерия, врач отошёл от кровати и приглашающе взмахнул рукой.

Кирилл не заставил себя ждать. Он присел на кровать и крепко ухватил братишку за запястье. В костлявой руке вяло шуршал пульс, отбивая ритм жизни, теплящейся под бледной кожей, и Кирилл внутренне завыл, кляня неведомых богов за произошедшее, в котором имелась и его доля вины.

Это не подлежало никакому сомнению, ведь вожак стаи всегда в ответе за своих псов.

Он всматривался в тёмные впадины глаз, надеясь, что мелкий сейчас воспрянет от забытья и весло поприветству-

ет старшего брата. Так, как приветствовал всегда, начиная с далёких детских лет. Но глаза не желали открываться, лишь метались под обвислыми веками юркими мышами.

– Валерк, твою мать, прости меня, Господи... – Кирилл сжал руку, не в силах оторваться от брата. – Чтоб тебя... Как так, а? Ну, скажи мне, как так? Засранец ты мелкий, шпенд недоросший. Как!?

Валет молчал. И вдруг снова счастливо засмеялся тонким детским смехом, не открывая глаз.

– Что ты видишь, малой? Где ты потерялся? – вопросы пропадали втуне, не доходя до сознания Валеры. Кирилла захлестнуло отчаяние, прокатилось тяжёлой волной.

– Сев, а Сев... – голос не слушался. – Как его вытащить? Вообще, он сумеет, а?

Всеволод мял в руках ручку, которой только что записывал что-то в блокноте. Уверенности от врача не исходило ни на гран.

– Мы не знаем, что с ним творится. Тело-то мы лечим, а сознание... Мы ведь не волшебники, чтобы в голову заглянуть и всё сразу понять, понимаете? Медицина – не колдовство какое... – вымученно улыбнулся Сева. – Но, признак хороший, что он видит сон, и при этом – что-то хорошее, понимаете? Если хорошее, значит, подсознание не видит внешней угрозы.

Грай обратил внимание на застывшее лицо Кайзера и отвлечённый, застывший взгляд – брат явно над чем-то разду-

мывал, уйдя глубоко в себя.

– В голову, говоришь, заглянуть? А это идея. – Кайзер хлопнул ладонью по колену и встал. – Будет тебе и колдун, будет тебе и волшебство. И будет нам всем счастье. Мы вернёмся,пустишь еще разок? – обратился он к не понимающему ничего доктору. – Не одни вернемся, а с человеком, скажем так – не простым.

– Ну, пуцу... – растерянно ответил Всеволод. Похоже, он совершенно потерял нить происходящего.

– Спасибо. Сев. Нет, правда, спасибо. – Кирилл крепко сжал ладонь врача и устремился к выходу.

Медик стоял и смотрел вслед уходящей паре выходцев из прочно забытого им мира.

А Валера снова счастливо засмеялся тонким детским смехом.

Глава 10

Он падал. Падал и падал, падал и падал, летя куда-то вниз. Или – вверх? Здесь не имелось направлений, как и не ощущалось течение времени. Не было вообще ничего. Пустота.

Когда-то – недавно? давно? – его грыз огненный демон, пожирая черноту внутри. Потом демон пропал, сменившись странными видениями сна во сне. Непонятные картинки – обрывки чужой жизни крутились перед ним, словно дразня и напоминая – о чём? Он не помнил – что и кто он есть. Да и есть ли?

Может, он чья-то мысль, родившаяся нечаянно, и отброшенная во мрак бездумья за ненадобностью. Странная мысль – он мысль?

Ниоткуда внезапно возник язык пламени и щекотнул его... что – руку, ногу? У него есть тело? Почему появился этот проказник, он что – поощряет меня? Меня кого?

Снова закружились картинки чужого сна. Чужие мысли, чужие мечты – они раздирали его Я, заставляя жить чужой жизнью. Да, право – а была ли у него своя жизнь. Была?

Наверное, всё сожрал веселящийся демон с пастью полной огня. Всё – прошлое и настоящее, будущее и не сбывшееся. Съел и удалился переваривать полученную душу.

Душа? Что такое душа? Почему возникла эта мысль-образ? Душа...как красиво звучит. И греет. Наверное, у него

есть – или была? – душа, раз эта мысль так согревает. Как стало тепло... Жарко... Очень жарко.

Маленький шарик Я, которое называлось когда-то Валетом, кружило в огненных вихрях. Демон вернулся – и снова запустил вездесущие пальцы внутрь, нащупывая законную добычу. Но там было пусто – демон взревел и взмахнул лапами. Пламя вспыхнуло тысячей Новых, на фоне света которых тусклый шарик казался каплей, которую просвечивало рентгеном солнечных корон. И демон нашёл прячущуюся червоточинку тёмного, притаившегося в глубине. Небрежно извлёк, кинув в пламенеющую глотку, и щёлкнул пальцем по шарикю. В этой игрушке больше не осталось еды – вкуснейший грибок, паразитирующий на душах людей, увы, на этой душе больше не прорастёт. По крайней мере – не здесь и не сейчас.

Демон захохотал, оценив каламбур – ведь в его мире не существовало ни времени, ни направлений.

А маленькое очищенное зерно того, что было когда-то Валеркой, кувырвалось во вневременном потоке. Но внутри него царила тишина. Мысли не пробивались сюда, и не рождались здесь. Этому Я ещё только предстояло научиться мыслить самому. А пока...

А пока ему снова привиделся чужой сон. Уже не обрывками, и не кусками, а настоящий осмысленный сон.

То, чему предстояло снова стать Валерой, устремилось в предложенную псевдореальность, растворилось в ней, стало

всеми и всем. И, найдя там ребёнка – стало им, обретя, наконец, опорную точку для возвращения.

Валере снилось, что он ребёнок, и этот малыш счастлив самим фактом своего существования.

Глава 11

«Око мира» – вывеска выделялась среди других витиеватым шрифтом и кричаще ярким фоном. На фасаде здания лепилось несколько десятков баннеров и вывесок, принадлежащих совершенно несовместимым в одном месте забегаловкам и фирмочкам. Но так уж повелось, что совместимость и здравый смысл не имели никакого значения ни для народа, ни для арендаторов.

Грай рассматривал вывеску, на которой горел зловещим светом глаз в треугольнике. «Гадание, снятие порчи, наговоры, изменение судьбы» – список услуг впечатлял и веселил одновременно. Уж, что-что, а судьбу человек должен ковать собственными руками, и если появилось у него желание изменить её мановением волшебной палочки – значит, слаб такой человек.

– Кирилл, ты уверен?

– Да, Серёж, уверен. Розу ты должен помнить. Она...

– Да помню, Серёж. Просто не верю я...

– Да чем чёрт не шутит. Вдруг? Нет, ты сам бы что сделал?

Вот есть возможность – есть ведь?

– Ну, есть, да. – Грай согласился без особой охоты, не очень желая связываться с предложенным Кайзером вариантом.

– Ну и вот. Есть – значит используем. Ты туда всё равно

не пойдёшь, у нас с ней разговор свой будет.

– Да, как бы и не собирался, увольте. – Грай рассмеялся.

– Я тебе уволю, размечтался. – Кирилл тоже засмеялся.

Решение, всплывшее в голове при разговоре с врачом, слегка облегчило душевное напряжение, и он уже мог расслабиться. Вожак нашёл путь для решения проблемы, пусть и необычный, возможно и неправильный – но нашёл. Это самое главное – не топтаться на месте, а рыть землю, рыть, пока не покажется искомое.

Вернувшись из больницы в клуб, Кайзер уже снова облачился в тогу власти и силы. Собрав старую когорту, спянную ещё в детдоме, и обрисовав ситуацию, не слишком вдаваясь в подробности и ненужные частности, типа собственного состояния – он поставил задачу. И шестерёнки завертелись.

Поиски заняли не один час, и даже не один день. Но Кайзер знал, что они увенчаются успехом, по иному и быть не могло – город хоть и большой, но не огромный муравейник, в котором можно выпасть из поля зрения. Да и вряд ли тот, кого искали, прятался – как раз наоборот.

Ребята нашли, что нужно, но к этому времени уже наступил вечер, и это не позволило выехать на встречу – найденная конторка уже закрылась. А в другом месте, в ночи – его просто не приняли бы, несмотря на прошлое. У каждого дома свои обычаи и законы, и вламываться без приглашения

не стоило. Даже если сильно горело.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.